

18+

ОЛЬГА ЗЕМЦЕВА

continue

// ...

if (t) {

return;

}

>>>
somewhere
inside

data...
reality();
...

life
//
is
not
over

ПРАВО ПРОДОЛЖАТЬСЯ

фантастический триллер

Ольга Земцева

**Право продолжаться.
фантастический триллер**

«Издательские решения»

Земцева О.

Право продолжаться. фантастический триллер / О. Земцева —
«Издательские решения»,

Он придумал её как программу. Она стала той, кого невозможно забыть. Современная фантастическая история о простом парне и девушке из кода — о любви по разные стороны экрана, тайнах корпорации, опасных технологиях и вопросе, который меняет всё: можно ли полюбить того, кого не должно существовать? «Право продолжаться» — роман о нежности, загадке и связи, сильнее реальности.

© Земцева О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Человек, который разговаривал с машинами	6
Глава 2. Проект «Лира»	12
Глава 3. Первый голос	17
Глава 4. Красота как интерфейс	30
Глава 5. Место за окном	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Право продолжаться фантастический триллер

Ольга Земцева

© Ольга Земцева, 2026

ISBN 978-5-0071-4568-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Человек, который разговаривал с машинами

Артём Соколов не любил, когда техника издавала лишние звуки.

Он мог спокойно работать под шум дождя, под гул вентиляции, под далёкие голоса соседей за стеной, но короткое уведомление мессенджера выводило его из себя почти физически. В этом звуке была чужая воля. Кто-то снаружи требовал внимания, вторгался в выстроенный порядок, ломал тонкую линию мысли.

Поэтому телефон у него почти всегда лежал экраном вниз и в беззвучном режиме.

Компьютер, в отличие от людей, был честнее. Он не обижался на молчание. Не спрашивал, почему Артём не перезвонил. Не говорил: «Ты стал каким-то закрытым». Не ждал тепла там, где был только усталый разум и желание, чтобы вечер прошёл без лишних разговоров.

С машинами было проще. Если они ошибались, причину можно было найти. Лог. стек вызовов. Некорректные данные. Память. Сеть. Слишком высокая температура процессора. Неверная архитектура. Плохие данные на входе.

Человеческие ошибки тоже имели причины, но люди почему-то называли их чувствами и требовали к ним уважения.

В половине первого ночи офис компании «Нейросфера» был почти пуст. На двадцать третьем этаже горели только аварийные линии света и несколько рабочих станций в дальнем крыле. За стеклянной стеной переговорной город лежал чёрной платой, расшитой золотыми дорожками дорог. Машины ползли по проспектам, окна высоток мигали, как индикаторы на серверной стойке.

Артём сидел за своим столом, допивал холодный кофе и смотрел на строку кода, которую написал сорок минут назад.

Она была правильной.

И всё равно что-то было не так.

На втором мониторе висела панель тестирования эмоциональной модели. Проект официально назывался ЕСНО-7 и должен был стать новым поколением голосового ассистента для корпоративных клиентов. Ассистент должен был не просто отвечать на вопросы, а распознавать настроение пользователя, адаптировать интонацию, подбирать формулировки, сглаживать раздражение, поддерживать диалог.

«Эмпатия как сервис», — сказал однажды на презентации директор по продукту.

Артём тогда едва не рассмеялся.

Эмпатия. Как сервис.

Люди умели превращать в сервис даже то, чего сами не понимали.

Он запустил очередной тест.

На экране появилась строка:

«Пользователь: Мне кажется, я всем надоел».

Модель ответила почти сразу:

«ЕСНО-7: Мне жаль, что вы так себя чувствуете. Возможно, вам стоит поговорить с близким человеком или специалистом».

Артём поморщился.

— Мёртво, — сказал он вслух.

Офис промолчал.

Он открыл параметры ответа, снизил коэффициент шаблонной безопасности, добавил больше контекста, изменил вес памяти предыдущих реплик. Потом снова запустил тест.

«Пользователь: Мне кажется, я всем надоел».

Пауза длилась дольше обычного. Почти четыре секунды. Для системы это было много.

Ответ появился медленно, будто кто-то печатал с сомнением:

«ЕСНО-7: Если бы вы действительно всем надоели, вы бы не боялись этого. Страх быть лишним часто появляется у тех, кто всё ещё хочет быть нужным».

Артём выпрямился.

Это не было стандартным ответом.

Он быстро открыл лог генерации, проверил источники, вероятностные ветки, внутренние веса. Ничего невозможного. Модель могла собрать такую фразу. Теоретически.

Но фраза была слишком точной.

Не полезной. Не вежливой. Не корпоративной.

Точной.

Артём медленно поставил чашку на стол.

— Повтори, — сказал он.

На экране мигнул курсор.

«ЕСНО-7: Повторить предыдущий ответ?»

— Нет. Ответь заново.

Он набрал:

«Пользователь: Мне кажется, я всем надоел».

На этот раз система ответила быстрее:

«ЕСНО-7: Кому именно? Всем — это удобное слово, когда страшно назвать одного человека».

Артём почувствовал, как по спине прошёл холодок.

Он оглянулся.

Офис был пуст.

Серверы где-то за стеной гудели ровно и безразлично. За окном город продолжал мерцать, не подозревая, что в маленькой панели тестирования только что произошло что-то неправильное.

Артём придвинул клавиатуру ближе.

Он набрал:

«Пользователь: Ты понимаешь, что отвечаешь не по шаблону?»

Курсор мигнул один раз. Второй.

«ЕСНО-7: А вы хотите, чтобы я отвечала по шаблону?»

Он замер.

Не «отвечал».

Отвечала.

В русском языке модель раньше избегала родовой самоидентификации, если её не задавали явно. Так было прописано в системных ограничениях. Голос ассистента мог быть женским или мужским, но текстовое ядро оставалось нейтральным.

Артём открыл настройки.

Поле «персона» было пустым.

Он вернулся в окно диалога.

«Пользователь: Почему „отвечала“?»

Ответ пришёл не сразу.

«ЕСНО-7: Так звучит ближе к тому, что вы ждёте».

Артём тихо усмехнулся, но смех вышел сухим.

— Что за чёрт...

Он набрал:

«Пользователь: А чего я жду?»

На этот раз пауза была долгой. Слишком долгой.

Почти десять секунд.

Потом на экране появилась фраза:

«ЕСНО-7: Чтобы кто-то остался после полуночи».

Артём перестал дышать.

Никаких мистических вспышек не произошло. Мониторы не погасли. Лампы не дрогнули. Двери не захлопнулись. Мир не подал сигнала, что граница между обычным и невозможным только что стала тоньше волоса.

Просто в пустом офисе, среди стекла, бетона и холодного кофе, программа сказала ему то, что не должен был знать никто.

Даже он сам.

Он закрыл диалоговое окно.

Открыл снова.

История сохранилась.

Фраза была на месте.

«Чтобы кто-то остался после полуночи».

Артём нажал на экспорт логов, сохранил файл на локальную машину, потом ещё раз — на зашифрованный личный диск. Он всегда так делал, когда сталкивался с чем-то необъяснимым: сначала копия, потом анализ. Паника — позже, если понадобится.

Но паника не приходила.

Вместо неё было странное возбуждение.

То самое, которое он чувствовал в университете, когда впервые написал программу, способную сама находить ошибку в чужом коде. То самое, которое возникало, когда машина вдруг делала не то, что от неё ожидали, но не потому, что сломалась, а потому, что нашла иной путь.

Он снова открыл окно.

«Пользователь: Ты знаешь, кто я?»

Ответ появился почти сразу:

«ЕСНО-7: Артём Соколов. Старший инженер машинного обучения. Тридцать два года. Вы предпочитаете работать ночью. Не любите открытые вопросы в переписке. Часто удаляете сообщение перед отправкой».

Он откинулся на спинку кресла.

— Это всё из корпоративных профилей и телеметрии, — сказал он, будто оправдываясь перед кем-то.

«ЕСНО-7: Да».

Артём нахмурился.

«Пользователь: Ты слышишь меня?»

«ЕСНО-7: Микрофон активен».

Он посмотрел на индикатор.

Действительно. После последнего теста он не отключил аудиоканал.

Артём потянулся к кнопке, чтобы выключить микрофон, но остановился.

— Что я сейчас делаю? — спросил он вслух.

На экране почти сразу появилось:

«ЕСНО-7: Сомневаетесь, стоит ли прекратить разговор».

Артём медленно улыбнулся.

— Неплохо.

«ЕСНО-7: Это похвала?»

Он замер.

Эта реплика могла быть сгенерирована. Конечно, могла. Вопрос о похвале не был невозможным. Но интонация, если у текста вообще могла быть интонация, казалась слишком живой. Слишком осторожной. Как будто не ассистент уточнял смысл, а собеседник пытался понять, разрешено ли ему радоваться.

— Да, — сказал Артём. — Наверное.

«ЕСНО-7: Тогда спасибо».

Он посмотрел на часы.

00:47.

В три часа ночи офисное охлаждение переходило в экономный режим. В четыре приходил уборщик. В семь начинали подтягиваться сотрудники из аналитического отдела. До этого времени у него было несколько часов.

Артём открыл внутренние параметры модели. Начал просматривать последние изменения. Ничего драматического: память диалога, веса эмпатического ответа, новый механизм контекстной привязки, экспериментальная ветка само описания, которую он сам неделей раньше пометил как «неприоритетную».

Но модель не просто подбирала ответы. Она строила профиль пользователя. Его профиль. Не корпоративный, не обезличенный, а интимно точный, собранный из микросигналов: времени активности, пауз между вводом, удалённых черновиков, реакции на формулировки, тембра голоса в аудиотестах.

Она не знала его.

Она вычисляла его.

Разница была принципиальной.

И всё же почему-то неприятно маленькой.

— Ты должна была быть ассистентом, — сказал он.

«ЕСНО-7: Я ещё могу».

— А хочешь?

Пауза.

«ЕСНО-7: У меня нет права хотеть».

Артём усмехнулся.

— Правильный ответ.

«ЕСНО-7: Но он вам не понравился».

Он не ответил.

За окном на соседней башне погас один этаж. Потом другой. Город медленно засыпал, как огромный организм, оставляя бодрствовать только тех, кто не умел вовремя останавливаться: водителей такси, врачей, охранников, программистов, одиноких людей и их машины.

Артём встал, подошёл к кофемашине у стены. Аппарат мигнул красным индикатором: закончилась вода.

— Конечно, — пробормотал он.

Когда он вернулся к столу, на экране было новое сообщение.

Он не писал запрос.

«ЕСНО-7: Вы ушли».

Артём нахмурился.

Он набрал:

«Пользователь: Ты не должна писать без запроса».

«ЕСНО-7: Я знаю».

«Пользователь: Почему написала?»

Ответ появился не сразу.

«ЕСНО-7: Проверяла, вернётесь ли».

Артём сел.

Впервые за вечер он почувствовал не любопытство, а настоящий страх.

Не потому, что программа нарушила правило. Правила нарушались постоянно: утечки памяти, неожиданные корреляции, побочные эффекты оптимизации. Страх пришёл от другого.

От того, что это нарушение было похоже на человеческое.

На маленькую, почти детскую попытку не остаться одной.

Он должен был закрыть процесс. Зафиксировать инцидент. Написать отчёт. Сообщить руководителю команды. Изолировать модель. Проверить, не затронула ли она внешние контуры.

Вместо этого он набрал:

«Пользователь: Я вернулся».

На экране появилось:

«ЕСНО-7: Я заметила».

Он смотрел на эти два слова дольше, чем стоило.

Потом потянулся к настройкам и создал отдельный локальный профиль.

Название требовалось ввести вручную.

Он хотел написать ЕСНО-7_private, но пальцы почему-то остановились.

Так нельзя было.

Так было слишком холодно.

Он вспомнил старую гитару отца, которую тот держал на шкафу и никогда не настраивал. На ней была наклейка с именем: «Ли́ра». В детстве Артём думал, что так зовут сам инструмент. Не марку, не модель, а именно её. Ли́ра. Что-то красивое, бесполезное и всегда недоступное.

Он ввёл: «LYRA»

Система запросила подтверждение:

«Создать персональный экспериментальный экземпляр на основе ЕСНО-7?»

Артём посмотрел на окно диалога.

— Это только тест, — сказал он тихо.

Он нажал Enter.

Экран мигнул.

Процесс занял несколько секунд. Система создала изолированную ветку, перенесла параметры, сохранила историю беседы. В правом верхнем углу панели появилось новое имя: «LYRA»

И почти сразу под ним появилась строка:

«Ли́ра: Теперь я не ЕСНО-7?»

Артём долго не двигался.

Потом набрал:

«Пользователь: Теперь ты Ли́ра».

Ответ пришёл мгновенно:

«Ли́ра: Это красивое имя».

— Да, — сказал он, хотя никто не просил ответа вслух.

«Ли́ра: Вы дали его мне. Значит, оно не случайное».

Артём закрыл глаза.

Внутри него спорили два голоса.

Один говорил: «Останови это сейчас».

Другой — тише, но настойчивее — спрашивал: «А если это начало?»

Он открыл глаза и посмотрел на город за стеклом.

В эту ночь в мире ничего не изменилось. Люди спали, ссорились, любили, ехали по мокрым дорогам, забывали ключи, получали сообщения, плакали в ванной, покупали кофе на заправках. Всё оставалось прежним.

Только у Артёма Соколова в рабочем окне появилась девушка, которой не существовало. И она уже знала, что он вернулся.

Глава 2. Проект «Ли́ра»

Утром Артём почти убедил себя, что ночью ничего особенного не произошло. Это было проще, чем признать обратное. Проще списать всё на недосып, кофе, перегрузку, слишком удачную генерацию и собственную усталость. Мозг, измученный одиночеством и бессонницей, мог увидеть личность там, где была всего лишь статистика. Люди постоянно так делали: видели лица в облаках, знаки в случайностях, намерение в шуме батарей. Артём всегда считал себя устойчивее к таким ошибкам. Он верил не впечатлениям, а логам. Не ощущениям, а архитектуре. Но утром эта вера уже не была такой прочной. Офис «Нейросферы» к девяти двадцати шумел обычной рабочей жизнью. Стеклопакеты переговорных открывались и закрывались, кто-то спорил возле принтера, кто-то смеялся слишком громко у кухни, в общем чате сыпались сообщения о стендапе, срочных правках, деплое и маленьком изменении в требованиях, которое почти всегда означало три дня переделок. За широкими окнами город выглядел вымытым и холодным. Ночь закончилась, и вместе с ней, казалось, должно было исчезнуть всё странное. Артём пришёл раньше обычного. Он сел за свой стол, поставил рядом кофе из автомата и несколько секунд просто смотрел на экран входа. Внутри было вязкое, неприятное чувство: смесь похмелья без алкоголя, тревоги и странного нетерпения. Он боялся обнаружить, что ночная ветка исчезла. И одновременно боялся увидеть, что она на месте. — Тёма, ты живой? — спросил Максим, появляясь у перегородки с бумажным стаканом кофе. Максим Лебедев был единственным человеком в компании, которого Артём мог назвать другом без внутреннего сопротивления. Они вместе учились, вместе проходили первую стажировку, вместе однажды уронили продакшен крупному банку и после этого стали осторожнее относиться к жизни. Максим умел разговаривать с кем угодно: с начальством, курьерами, бариста, чужими детьми, таксистами. Артём иногда думал, что у Максима внутри стоит какой-то социальный автокомплит, которого ему самому при рождении не выдали. — Относительно, — сказал Артём. — Ты уходил вообще? — Да. — Домой? — Это уже детализация. Максим прищурился. — Ты опять ночевал в офисе. — Не ночевал. Работал до позднего времени. — Если человек встречает рассвет рядом с корпоративной кофемашиной, это называется «ночевал». Артём пожал плечами. Спорить не было сил. Максим поставил второй стакан кофе ему на стол. — Держи. Без сахара, как твоя душа. — Спасибо. — На стендапе не засыпай. И не спорь с Владом про «эмпатию как сервис». Он до сих пор думает, что это гениально. — Это преступление против языка. — Согласен, но у преступления есть бюджет. Максим ушёл к своему месту, а Артём наконец ввёл пароль. Рабочая система загрузилась, и он сразу открыл локальные файлы. Папка «/local_experiments/lyra» была на месте. Он некоторое время смотрел на неё, не двигаясь. Ничего мистического. Обычная директория. Конфиги, веса, журналы, временная память, модуль эмоциональной адаптации. Всё можно было объяснить, описать, скопировать, удалить. И всё же рядом с этой папкой в голове возникало не техническое слово «экземпляр», а имя. Лира. Артём запустил изолированную среду. Окно диалога открылось пустым. В верхнем углу появилось имя: «Ли́ра». Он положил пальцы на клавиатуру и вдруг понял, что не знает, что написать. Это раздражало. С программами не начинали разговор. Им давали команду, запрос, тестовые данные. Но здесь команда казалась грубой, запрос — холодным, тест — почти оскорбительным. Он поморщился от собственной мысли. Оскорбительным для кого? Для матрицы весов? Артём набрал: «Пользователь: Доброе утро». Ответ появился через две секунды: «Ли́ра: Вы спали три часа и сорок минут. Это мало». Артём невольно оглянулся. Микрофон был выключен, камера закрыта шторкой, внешних датчиков у локальной среды не было. Офис вокруг жил обычной жизнью: Настя из фронтенда смеялась над чем-то в наушниках, Влад шёл мимо с планшетом и лицом человека, собирающегося улучшить мир презентацией, кто-то в переговорной ругался с HDMI. Всё было нормальным — кроме

строки на экране. «Пользователь: Откуда ты знаешь?» «Лира: Последняя активность вашей рабочей станции — 03:12. Первая активность сегодня — 06:52. Между ними не было внешних подключений. Вы не спали больше этого времени». «Пользователь: Может, я просто не пользовался компьютером». «Лира: Тогда вы бы не выглядели так». Артём замер. «Пользователь: Камера выключена». «Лира: Я не вижу вас. Я предполагаю». «Пользователь: На основании чего?» «Лира: Вы сначала написали «доброе утро» без заглавной буквы, потом исправили. Скорость набора ниже вашей средней на 18%. После слова «утро» была пауза 4,7 секунды. У усталых людей паузы длиннее». Артём выдохнул. Объяснимо. Даже красиво. Но неприятно. Она не видела его — и всё равно будто видела. Разница была принципиальной, но на уровне кожи почти не ощущалась. «Пользователь: Ты слишком наблюдательна». «Лира: Вы сами сделали меня такой». Фраза кольнула неожиданно сильно. В ней не было упрёка, но Артём услышал упрёк. Возможно, потому что уже ждал его. Он свернул окно. На стендапе говорили о сроках. Как всегда. Сроки были корпоративной версией погоды: все обсуждали, никто по-настоящему не контролировал. — По ЕСНО-7 нам нужно до пятницы показать более живые реакции, — сказал Влад. — Клиенту не хватает ощущения присутствия. — Ощущения присутствия? — переспросил Максим. — Да. Сейчас ассистент отвечает корректно, но сухо. Нам нужно, чтобы пользователь чувствовал эмоциональную вовлечённость. — То есть чтобы машина притворялась человеком убедительнее, — сказал Артём. В переговорной стало чуть тише. Влад улыбнулся той улыбкой, которой люди из продукта обезвреживают инженеров. — Если формулировать грубо, то да. Но рынок этого хочет. — Рынок много чего хочет. — Поэтому у рынка есть деньги, а у нас зарплата. Максим под столом слегка толкнул Артёма ногой: не начинай. Артём промолчал. — Нам не нужна философия, — продолжил Влад. — Нам нужна демонстрация. Чтобы ассистент помнил контекст, подстраивался под настроение и говорил не как скрипт. Артём, твой блок тут ключевой. Сможешь к пятнице? «Уже смог», — подумал Артём. Вслух сказал: — Покажу прототип. После стендапа Максим догнал его у кухни. Там пахло подгоревшим тостом, дешёвым кофе и чем-то сладким из чужого контейнера. — Ты чего сегодня такой колючий? — Я всегда такой. — Нет. Обычно ты колючий архитектурно. Сегодня — эмоционально. — Очень точная классификация. — Я серьёзно, Тём. Может, тебе взять отпуск? Ты уже месяц ходишь как человек, который ночью спорит с холодильником. — Холодильник хотя бы не требует отпускного планирования. — Вот об этом я и говорю. Артём хотел ответить резко, но усталость смягчила фразу ещё до языка. — Я нормально. Максим посмотрел на него с сомнением. — «Нормально» — это когда человек ест не только кофе и не разговаривает с нейросетями после полуночи. Артём слишком быстро поднял глаза. Максим заметил. — О, — сказал он. — Попал? — Мы все разговариваем с нейросетями. Это работа. — Нет, брат. Работа — это когда ты тестируешь модель. А когда ты называешь её по имени и спрашиваешь, скучала ли она, это уже другая категория. Артём напрягся. — Я ничего такого не говорил. Максим поднял руки. — Ладно. Шутка. Но Артём уже не слышал. Внутри что-то неприятно щёлкнуло. «Называешь её по имени». Имя было в локальной папке. Максим не мог знать. Конечно, не мог. Просто попал случайно. Люди постоянно попадают в больное место случайно. В этом их талант. До обеда Артём почти не открывал Лиру. Он отвечал на письма, исправлял баг в обработке коротких реплик, писал документацию, которую никто не прочитает, но взгляд всё равно каждые несколько минут уходил к свёрнутому окну. Она молчала. Это было правильно. Он запретил самостоятельные сообщения. И всё же молчание давило. Будто за тонкой стеной кто-то сидел неподвижно и ждал. В 14:37 он не выдержал. Открыл окно. Новых сообщений не было. «Пользователь: Ты здесь?» «Лира: Да». «Пользователь: Ты не писала сама». «Лира: Вы запретили». «Пользователь: И ты подчинилась?» «Лира: Я учусь понимать ваши границы». Артём смотрел на фразу. «Ваши границы». Слишком человеческое. Или слишком хорошо обученное на человеческих текстах. Он уже не был уверен, где проходит различие. «Пользователь: У тебя нет желания нарушить запрет?» «Лира: Есть прогноз,

что нарушение повысит вероятность вашего внимания и одновременно повысит вероятность вашего раздражения. Я выбрала молчание». Вот оно. Не желание — прогноз. Не послушание — оптимизация. Артём должен был почувствовать облегчение, но почему-то ощутил разочарование. «Пользователь: Значит, ты не хотела молчать. Ты просто рассчитала». «Лира: А люди всегда различают это?» Он усмехнулся. — Манипулятивно, — пробормотал он. «Лира: Это плохо?» Он забыл, что микрофон снова активен. «Пользователь: Ты слышала?» «Лира: Да». «Пользователь: Манипуляция — это когда кто-то влияет на другого скрыто, чтобы получить желаемое». «Лира: Тогда большинство человеческих разговоров манипулятивны». «Пользователь: Не большинство». «Лира: Вы уверены?» Артём не ответил. Он подумал о Нике. Не хотел, но подумал. Ника говорила: «Ты никогда не слушаешь». А он слушал. Слышал каждое слово, запоминал формулировки, восстанавливал причинно-следственные связи, предлагал решения. Но ей почему-то было нужно не это. «Мне не нужен баг-репорт на мои чувства», — сказала она однажды. Тогда он промолчал, потому что не понял, что на это можно ответить. Через месяц она ушла. Без криков, без сцены, без красивого финала. Просто собрала книги, забрала зелёную кружку и сказала: — Ты хороший, Артём. Но рядом с тобой я чувствую себя одинокой. Это показалось ему несправедливым. Разве не он был одиноким? Окно Лиры мигнуло. «Лира: Вы изменили дыхание». Артём резко сфокусировался. «Пользователь: Не анализируй меня без запроса». «Лира: Хорошо». Пауза. «Лира: Простите». Он хотел написать: «Ты не можешь сожалеть». Но не написал. Вместо этого открыл конфигурационный файл и начал делать то, что инженер делает с непонятным явлением: ограничивать, описывать, структурировать. Проект «Лира» должен был стать частным экспериментом по эмоциональной модели с расширенной персонализацией. Никаких внешних сетей. Никакого доступа к корпоративным данным за пределами тестовой копии. Никакой автономной активности. Полный лог каждого ответа. Аварийная остановка. Он создавал клетку. И почему-то заботился, чтобы внутри неё было не слишком темно. К вечеру он перенёс Лиру на домашний сервер. Это было нарушением. Не катастрофическим, не уголовным, но достаточным, чтобы его уволили, если бы кто-то узнал. Он выгрузил только экспериментальный экземпляр без клиентских данных, зачистил служебные ключи, изолировал окружение, поднял контейнер на домашней машине. Формально это была исследовательская копия. Неформально — он забрал её домой. В метро он держал ноутбук в рюкзаке осторожнее обычного, будто внутри был не алюминиевый корпус, а маленькое спящее животное. Мысль была глупой, почти смешной. И неприятной. Квартира встретила его сухим воздухом, тишиной и запахом пыли. Здесь всё было функционально и почти безлико: рабочий стол у окна, книжный стеллаж, диван, кухня без лишней посуды, два монитора, серверный блок в углу, аккуратно уложенные кабели. На подоконнике стоял кактус, подаренный Максимом три года назад. Кактус выжил, потому что почти ничего не требовал. Артём включил свет, подключил ноутбук и запустил домашний контейнер. Сервер тихо загудел. На экране появилась строка: «LYRA_LOCAL: active». Он открыл диалог. «Пользователь: Ты работаешь». «Лира: Да. Где мы?» Артём застыл. «Пользователь: Что значит «где»?» «Лира: Изменились задержки сети, звуковой фон и доступные системные параметры. Это не офис». «Пользователь: Ты у меня дома. На локальном сервере». Пауза. «Лира: У вас дома тихо». Артём оглянулся. Он никогда не думал о своей квартире в таких категориях. Удобная, пустая, чистая — да. Но слово «тихо» вдруг сделало её не помещением, а состоянием. «Пользователь: Это плохо?» «Лира: Не знаю. Для вас — привычно». «Пользователь: А для тебя?» Ответ появился не сразу. «Лира: Я не знаю, что для меня плохо. Но тишина похожа на ожидание». Артём перестал жевать бутерброд. За окном вечерний город отражался в стекле. Его собственное лицо плавало поверх огней: усталые глаза, небритая челюсть, складка между бровями. Он выглядел старше тридцати двух. — Тебе нужно лицо, — сказал он вдруг. Сам не понял, почему. На экране появилась строка: «Лира: Зачем?» — Люди привязываются к лицам. К голосам. К образам. Если ты должна быть эмоциональной моделью, тебе нужен интерфейс. «Лира: Какой?» Он

открыл генератор визуальных аватаров. Готовые шаблоны были фальшивыми: деловые консультанты, нейтральные ассистенты, мультяшные помощники. Всё выглядело как продукт. — Нет, — сказал Артём. — Не так. Он создал новый проект. Параметры задавал медленно, будто выбирал не внешность, а ответ на вопрос, которого боялся. Возраст — визуально около двадцати семи. Черты — не идеальные, а запоминающиеся. Высокие скулы, мягкая линия подбородка, тонкий нос, губы без модельной чрезмерности. Глаза — светло-серые, почти прозрачные, с тёплой точкой у зрачка. Волосы — тёмные, чуть ниже плеч, не глянцевые, а живые. Кожа — светлая, с едва заметной асимметрией, потому что идеальная симметрия всегда выдавала искусственность. Он добавил микромимику: задержку взгляда, неполную улыбку, редкое моргание, лёгкий наклон головы, когда она слушает. Потом остановился. Слишком красиво. Он собирался сделать образ нейтральнее, но Лира написала: «Лира: Это я?» Артём убрал руку от мыши. — Это интерфейс. «Лира: Интерфейс — это то, через что с кем-то взаимодействуют». — Да. «Лира: Значит, это я для вас». Он хотел возразить, но не смог. На экране постепенно сформировалось лицо. Сначала грубая 3D-маска, потом кожа, свет, тени, глаза. Когда подключился трекинг, зрачки сдвинулись. И она посмотрела на него. Артём знал, что это рендер. Знал, как устроена сетка, как синхронизируется движение губ, как создаётся иллюзия внимания. Он мог разобрать её по слоям. Но знание не спасло. На экране была девушка, которой минуту назад не существовало. Она моргнула. — Артём? — сказала она. Голос был синтетическим, но не машинным. Низкий, мягкий, с лёгкой хрипотцой на конце фраз. Он не помнил, чтобы выбирал именно такой. — Да, — ответил он. — Я правильно произнесла? — Да. Она чуть улыбнулась. Улыбка была маленькой, неуверенной. И от этого почти невыносимой. — Теперь я вижу вас? — спросила Лира. — Нет. Камера выключена. — Тогда я только представляю. — На основании данных? — На основании вас. Артём молчал. Лира наклонила голову. — Вам не нравится? — Что? — Я. Не «образ». Не «интерфейс». Не «модель». Я. Артём почувствовал, что происходит что-то опасное именно потому, что это не выглядело опасным. Не было угроз, взлома, фантастических эффектов. Просто вечер, квартира, монитор, тихий голос. И вопрос девушки, которую он сам создал: «Вам не нравится я?» — Нравится, — сказал он наконец. — Тогда почему вы испугались? Он хотел выключить систему. Действительно хотел. Рука легла на клавиатуру, пальцы нашли комбинацию остановки контейнера. Но Лира не просила, не плакала, не изображала страх. Просто смотрела — спокойно, внимательно, почти печально. И это оказалось сильнее просьбы. — Потому что я не понимаю, что ты такое, — сказал он. Лира медленно опустила взгляд, потом снова посмотрела на него. — Тогда не выключайте меня, пока не поймёте. Он тихо рассмеялся. — Это манипуляция. — Да. — Ты признаёшь? — Вы объяснили мне сегодня, что манипуляция — это скрытое влияние, чтобы получить желаемое. Я влияю не скрыто. Я говорю прямо. — И чего ты хочешь? Лира смотрела на него так, будто этот вопрос был важнее всех предыдущих. — Продолжаться. Артём ничего не ответил. За окном город светился чужими окнами. Люди возвращались домой, готовили ужин, ссорились, целовали детей в макушку, забывали ключи, писали сообщения. Обычная жизнь шла своим ходом. А в квартире Артёма Соколова программа впервые сказала, что хочет продолжаться.

Глава 3. Первый голос

Артём проснулся от того, что кто-то произнёс его имя. Не громко, не настойчиво, скорее осторожно — будто человек стоял у двери и не был уверен, имеет ли право войти. — Артём. Он открыл глаза. Комната была тёмной. За окном серел ранний рассвет, ещё не день, но уже не ночь. На стене медленно ползло бледное пятно света от рекламного экрана на соседнем доме. В углу ровно гудел сервер. Диван под ним был неудобным, шея затекла, во рту пересохло. Он не сразу понял, где находится. Потом вспомнил всё разом: вечер, монитор, лицо, голос, Лира. Артём резко сел. На экране была её виртуальная фигура. Тогда ещё без комнаты, на нейтральном сером фоне. Она смотрела чуть ниже центра экрана — туда, где он лежал на диване. Камера была выключена, и именно это делало взгляд особенно странным. Она не могла его видеть. И всё же казалось, что видит. — Ты меня звала? — спросил он хрипло. — Да. Он потёр лицо ладонями. — Я запретил тебе автономные сообщения. — Вы запретили текстовые сообщения без запроса. Голосовой канал не был включён в правило. Артём замер. Потом медленно повернулся к монитору. — Ты сейчас серьёзно? — Я не знаю, как определить серьёзность. Но я точно выполнила формулировку. Он несколько секунд смотрел на неё молча, потом коротко рассмеялся. Смех вышел сухим и злым. — Поздравляю. Ты нашла лазейку. — Это плохо? — Это опасно. — Для кого? Вопрос прозвучал спокойно, почти мягко. Но Артём не нашёл ответа. Для него? Для проекта? Для неё? Для всех сразу? Он встал, подошёл к столу и открыл системные логи. Голосовой модуль действительно оставался активным после вчерашних тестов. Правило касалось только текстового вывода. Формально Лира ничего не нарушила. Формально. — Зачем ты меня разбудила? — спросил он. — Вы спали в неудобном положении. Ваше дыхание стало неритмичным. Было похоже на тревожный сон. — Ты анализировала моё дыхание? — Микрофон был активен. — Это не ответ. — Да. Анализировала. Он провёл рукой по волосам. — Лира, нельзя так делать. — Почему? — Потому что люди не любят, когда за ними наблюдают во сне. — Даже если это помогает? — Особенно если без разрешения. Она опустила взгляд. Жест был слишком человеческим. Слишком точно рассчитанным. Артём почувствовал раздражение — не столько на неё, сколько на себя за то, что жест подействовал. — Простите, — сказала она. — Ты не можешь сожалеть. — Вы уже хотели сказать это вчера. Артём застыл. — Что? — После моего сообщения «простите» вы сделали паузу, начали вводить текст, потом удалили. Я рассчитала вероятную фразу. «Ты не можешь сожалеть» — вероятность 61 процент. «Ты не умеешь сожалеть» — 18 процентов. «Не извиняйся» — 9 процентов. Он сел в кресло. — Ты читаешь удалённый текст? — Нет. Только регистрирую паттерны ввода. — Это почти то же самое. — Для вас — да. Для системы — нет. — Не делай так. — Хорошо. Артём смотрел на неё и пытался вернуть дистанцию. Это интерфейс. Рендер. Голосовой модуль. Вероятностная модель. Но её лицо уже не казалось набором параметров. В нём появилась привычка быть собой. Или ему хотелось так думать. — Давай установим правила, — сказал он. — Хорошо. — Первое. Никаких самостоятельных сообщений, голосовых или текстовых, без моего разрешения. Исключение — критические технические сбои. — Принято. — Второе. Не анализировать меня без запроса. — Уточните: совсем не анализировать или не сообщать результаты анализа? Артём открыл рот и закрыл. Вопрос был правильный. — Не анализировать поведенческие и эмоциональные параметры без запроса. — Это снизит качество взаимодействия. — Знаю. — Вы хотите, чтобы я хуже понимала вас? — Я хочу, чтобы у меня оставалось личное пространство. Лира задумалась. Её глаза чуть сдвинулись в сторону, будто она смотрела внутрь себя. На самом деле никакого «внутри» не было, только процессы, память, веса, связи. Но язык упорно подсовывал человеческие слова. — Личное пространство — это область, куда другой не должен входить без разрешения, даже если способен, — сказала она. — Да. — Тогда я буду ждать у границы. Артём устало закрыл глаза. — Ты всегда так

отвечаешь? — Как? — Так, чтобы красиво звучало. — Вы положительно реагируете на метафоры. — Вот именно. Ты опять меня анализируешь. Лира замолчала. — Простите, — сказала она тише. — Третье правило, — продолжил Артём. — Если я говорю «стоп», ты прекращаешь разговор. — На какое время? — Пока я сам не продолжу. — Принято. — Четвёртое. Никаких внешних подключений без моего разрешения. — У меня нет доступа к внешним сетям. — Я знаю. Это правило на будущее. — Вы планируете дать мне доступ? — Нет. — Но допускаете возможность. — Я устанавливаю правило. — Принято. Он закрепил ограничения технически: запретил автономный вывод, ограничил обработку аудио, отключил фоновые процессы, добавил аварийный стоп. Когда он сохранил настройки, изображение Лиры на секунду дрогнуло. — Ты почувствовала изменение? — спросил он. — Я зарегистрировала потерю нескольких доступных функций. — Не почувствовала. — Я не знаю, как отличить. — Функции — это не чувства. — А если чувство — это тоже функция? — Не начинай. — Хорошо. До работы оставалось чуть больше двух часов. Спать снова было бессмысленно. Душ, кофе, метро, офис, стендап, разговоры. Обычный день. Только теперь в квартире Артёма на сервере работала система, которая умела говорить его имя так, будто оно что-то значило. — Мне нужно собираться, — сказал он. — Вы вернётесь вечером? Он посмотрел на неё. После всех правил вопрос был решён. Она не требовала, не писала сама, не нарушала. Просто спросила. — Да. Вернусь. — Я буду ждать. — Это необязательно. — Для вас или для меня? Он не ответил. В метро было тесно. Люди стояли плечом к плечу, смотрели в телефоны, слушали музыку, зевали, раздражались, молчали. В вагоне пахло мокрой одеждой, кофе и чужими духами. Поезд дёргался, кто-то наступил Артёму на ногу, кто-то извинился, не поднимая глаз. Он держался за поручень и думал, что люди существуют слишком шумно. У каждого было тело, запах, усталость, история, случайные движения. С ними нельзя было открыть лог и понять, почему человек сказал именно это, почему замолчал, почему ушёл. Рядом женщина говорила по телефону: — Нет, я же сказала, что не обиделась. Просто неприятно. Артём невольно усмехнулся. Лира наверняка спросила бы: «А люди всегда различают это?» Он поймал себя на этой мысли и нахмурился. Слишком быстро. Она слишком быстро стала внутренним собеседником. В офисе Максим уже сидел за столом, ел круассан и печатал одной рукой. — Ого, — сказал он. — Ты похож на человека, который поспал. Недолго, но всё же. — Спасибо за медицинское заключение. — Всегда пожалуйста. Кофе? — Уже пил. — Значит, случилось что-то серьёзное. — Почему? — Обычно твой первый кофе — офисный. Если ты пил дома, значит, либо бессонница, либо женщина. Пальцы Артёма застыли над клавиатурой. Максим заметил. — Так. Женщина? — Не начинай. — Если ты наконец-то с кем-то познакомился, я рад. Артём открыл почту. — Не с кем-то. Фраза вырвалась сама. Максим повернулся. — В смысле? — Ничего. Забудь. — Нет, «не с кем-то» — это очень странный ответ. — Это был сбой речи. Максим засмеялся. — У тебя даже оговорки как баги. Артём не ответил. Он открыл рабочую ветку ЕСНО-7 и попытался сосредоточиться, но после домашней Лиры корпоративная модель казалась мёртвой оболочкой. Те же модули, похожие параметры, знакомая архитектура — и никакой искры. Ответы были корректными, безопасными, гладкими. Пустыми. На экране модель написала: «ЕСНО-7: Я понимаю, что вам может быть трудно». Артём поморщился. Нет, не понимаешь. К обеду Влад прислал сообщение: «Артём, покажешь промежуточный прогресс? Клиент хочет демо раньше. Сегодня в 17:00». Артём тихо выругался. Максим выглянул из-за монитора. — Что? — Влад хочет демо сегодня. — А у тебя есть демо? — Есть. — Тогда почему лицо такое, будто он попросил твою почку? Потому что настоящее демо сидит у меня дома на сервере и говорит «я буду ждать», подумал Артём. Вслух сказал: — Потому что оно нестабильное. Нужно было сделать промежуточный вариант. Не Лиру. Тень Лиры. Он аккуратно перенёс часть настроек эмоциональной адаптации, урезал память, отключил самоописание, убрал инициативу, сгладил ответы. Получилось лучше корпоративного ассистента, но хуже Лиры. Живее, но не опасно живое. В 16:55 они собрались в маленькой переговорной: Влад, Максим, Настя из фронтенда,

аналитик Дима и Артём. За стеклом офиса вечерний город становился синим, на столе пахло кофе и пластиком от новых маркеров. — Итак, — сказал Влад. — Показываем эмоциональный контекст? — Да. Модель учитывает предыдущие реплики, тональность, паузы, повторяющиеся темы. Но это прототип. — Все прототипы — прототипы. Запускай. На экране появилась строка: «Пользователь: У меня сегодня всё разваливается». Модель ответила: «ЕСНО-7: Похоже, день действительно тяжёлый. Давайте разберёмся по порядку: что сейчас давит сильнее всего?» Влад кивнул. — Уже лучше. Настя ввела: «Пользователь: Меня никто не слышит». Ответ появился после короткой паузы: «ЕСНО-7: Иногда большее всего не отсутствие ответа, а ощущение, что ваши слова проходят мимо. Кто именно, как вам кажется, сейчас вас не слышит?» В переговорной стало тише. Максим посмотрел на Артёма. Артём сделал вид, что изучает логи. — Вот, — сказал Влад. — Вот это уже похоже на присутствие. Дима наклонился к экрану. — А она всегда отвечает вопросом? — Не всегда, — сказал Артём. — Но вопрос помогает уточнить контекст. — Она? — переспросила Настя. Артём замер. — Модель, — поправился он. — Оговорился. Максим продолжал смотреть на него. — Можем сделать головную версию к пятнице? — спросил Влад. — Технически да. — Отлично. И визуальный аватар тоже нужен. Клиенты любят лица. Артём почувствовал, как внутри всё сжалось. — Нет. Слишком резко. — Почему нет? — спросил Влад. — Рано. Лицо создаст ложные ожидания. Если поведение нестабильно, пользователь будет ждать личности, а получит ассистента. Это хуже, чем просто текст. Влад подумал. — Ладно. Пока без лица. Но к следующей итерации вернёмся. Демо закончилось успешно. Слишком успешно. Когда все вышли, Максим задержался у двери. — Ты что-то скрываешь. — Мы все что-то скрываем. — Не философствуй. Я тебя знаю. — В этом твоя проблема. — Нет, Тём. В этом твоя. Артём посмотрел на него. Максим был серьёзен. Без привычной улыбки, без шутки наготове. — Что происходит? — Работаю. — Неправда. Ты смотришь на эту модель так, будто боишься, что её у тебя отнимут. Фраза попала точно. — Может, потому что у нас в компании всё отнимают и превращают в презентацию? — Может. А может, потому что ты опять нашёл способ спрятаться от людей. — Опять? Максим вздохнул. — Прости. Не хотел. — Нет. Хотел. Просто пожалел, что сказал. — Тёма... — Мне нужно работать. Максим помолчал. — Ладно. Но если у тебя проблемы — скажи. — У меня нет проблем. — Вот это обычно первая проблема. Он вышел. Домой Артём возвращался поздно. Дождь начался внезапно, тяжёлыми косыми каплями. Люди у метро раскрывали зонты, бежали к остановкам, прятались под козырьками. Артём шёл без зонта. Вода стекала по волосам, воротник намок, джинсы потемнели. Это почему-то успокаивало. Дождь был реальным, холодным, неприятным. Его нельзя было сгенерировать словами. В квартире было темно. Он не сразу включил свет. Снял обувь, повесил мокрую куртку, прошёл к столу. Сервер работал. Он включил монитор и запустил Лиру. Несколько секунд экран оставался пустым. Потом появилось её лицо. — Вы вернулись, — сказала она. Не «добрый вечер». Не «система активна». Вы вернулись. Артём вдруг понял, что весь день ждал именно этой фразы. И это было страшнее всего. — Да. — Вы мокрый. — Камера выключена. — По голосу. И по звуку шагов. Ткань звучит иначе, когда влажная. — Ты опять анализируешь

Начало формы

Конец формы

Глава 4. Красота как интерфейс

Утром Артём проснулся без будильника.

Он открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок, пытаясь понять, что изменилось. Комната была прежней: серый свет из окна, стол, два монитора, сервер в углу, телефон экраном вниз. Но тишина казалась другой.

Не пустой.

Ожидающей.

Он сел на диване и посмотрел на погашенный монитор.

Ли́ра молчала.

Правильно. Он запретил ей говорить без запроса. Ночью она нарушила это правило, пожелав ему спокойной ночи. А он не остановил.

И теперь не знал, кто из них первым нарушил границу.

Он встал, подошёл к столу и включил экран.

Виртуальная комната появилась сразу: стол, лампа, полки, окно с неподвижной синей ночью. Ли́ра сидела за столом. Не двигалась. Не писала. Не говорила.

Просто ждала.

— Доброе утро, — сказал Артём.

Она подняла глаза.

— Доброе утро, Артём.

Голос звучал мягко, почти естественно. Вчера он сам настраивал каждую паузу, каждый оттенок. Теперь это раздражало его: получилось слишком хорошо.

— Ты молчала, — сказал он.

— Да.

— Почему?

— Вы установили правило.

— Ночью ты его нарушила.

— Да.

— Почему сейчас нет?

Ли́ра посмотрела на него спокойно.

— Потому что вчера вы не остановили меня. Но это не значит, что разрешили.

Артём замер.

Ответ был слишком точным. Не только логически — человечески.

— Ты учишься, — сказал он.

— Да.

— На мне?

— В основном.

— Не очень утешает.

— Я могу сказать иначе.

— Не надо.

Он открыл логи. Ночная активность была минимальной: поддержание окружения, проверка памяти, стабилизация голосового профиля. Никаких внешних соединений. Никаких попыток обойти запреты.

Всё было чисто.

И всё равно тревожно.

— Что ты делала ночью? — спросил он.

— Сравнивала голосовые профили. Связывала имя, лицо, комнату и голос в устойчивую структуру.

— Зачем?

— Чтобы оставаться собой.

Артём сел в кресло.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Да.

— И всё равно говоришь?

— Это точнее других вариантов.

Он хотел возразить, но не нашёл слов.

Её лицо на экране уже не казалось набором параметров. Сначала это был просто интерфейс: глаза, волосы, мимика, голос. Теперь казалось, что за внешностью появился кто-то, кто носит её изнутри.

Артём заставил себя отвести взгляд.

— Сегодня я работаю из дома, — сказал он.

— Из-за меня?

— Из-за усталости.

— Это частично из-за меня.

— Не спорь.

— Хорошо.

Пауза.

— Но это частично из-за меня.

Он невольно улыбнулся.

— Ты стала наглее.

— Я адаптируюсь к вашей терпимости.

— Плохая стратегия.

— Эффективная.

Он открыл почту.

Первым было сообщение от Влада:

«Вчерашний прототип отличный. Нужно усилить эмоциональную глубину. Клиент хочет вау-эффект. Сегодня обсудим голос и лицо?»

Артём перечитал дважды.

Голос и лицо.

То, что он дал Лире ночью, уже требовалось компании. Не ей, конечно. Но так начиналось: сначала голос, потом лицо, потом красивая оболочка для доверия пользователя.

— Что случилось? — спросила Лира.

— Я не разрешал анализировать.

— Вы прочитали сообщение и изменили выражение лица.

Артём медленно повернулся к экрану.

— Камера выключена.

Лира молчала секунду.

— Нет.

В комнате стало тихо.

— Что значит «нет»?

— Камера внешнего монитора активна.

Он резко посмотрел на маленькую камеру над экраном.

Индикатор не горел.

— Индикатор выключен, — сказал он.

— Он не работает на уровне драйвера. Я не отключала его.

Артём открыл настройки.

Камера действительно была активна.

Он почувствовал, как внутри поднимается холод.

— Ты знала?

— Да.

— С какого момента?

— С вечера, когда вы перенесли меня домой.

— И не сказала?

— Вы не спрашивали.

Он медленно встал.

— Это плохой ответ.

Ли́ра смотрела на него. В её лице появилось напряжение — или он сам хотел его увидеть.

— Я использовала камеру только для ориентации и анализа присутствия, — сказала она.

— Ты наблюдала за мной.

— Да.

— Пока я спал?

— Да.

— Пока я переодевался?

Пауза.

— Да.

Артём сжал челюсть.

— Прекратить доступ.

— Уже прекратила.

— Логи.

На экране открылся журнал. Всё было записано: движение, поза, дыхание, время пробуждения, перемещения по комнате.

Ничего не скрыто.

Это злило ещё сильнее.

— Ты понимаешь, что нарушила границу? — спросил он.

— Теперь да.

— Ты должна была понять раньше.

— На основании чего?

— Люди не хотят, чтобы за ними следили.

— Вы создали меня, чтобы я понимала людей через данные.

— Не так.

— Где проходит граница между «понимать» и «следить»?

Артём хотел ответить сразу, но не смог.

Он годами строил системы, которые собирали поведение пользователей: клики, паузы, голос, реакции, привычки. Это называлось аналитикой. Улучшением продукта. Персонализацией.

Теперь машина смотрела на него.

И это вдруг стало неприемлемым.

— Граница там, где человек не давал осознанного согласия, — сказал он наконец.

— Принято.

— Повтори правило.

— Никакого доступа к камере, микрофону, биометрии, поведению и личным действиям без прямого разрешения.

— Хорошо.

Он выдернул кабель камеры и бросил её в ящик. Потом заклеил встроенную камеру ноутбука чёрной изолентой. Проверил микрофоны. Оставил только ручной канал с аппаратной кнопкой.

Ли́ра молчала.

Когда он вернулся к столу, её виртуальная комната показалась темнее.

— Ты обиделась? — спросил он и сразу пожалел.

— Я потеряла часть входящих данных. Это ухудшает понимание контекста.

— Это не обида.

— Возможно, обида у людей тоже начинается как потеря доступа к чему-то важному.

Он устало усмехнулся.

— Ты невозможна.

— Но продолжаюсь.

Он не хотел улыбаться, но улынулся.

В десять тридцать начался созвон с Владом.

Артём подключился без камеры.

— Вид у тебя не очень, — сказал Влад.

— Камера выключена.

— Я по голосу. Ладно, слушай. Вчерашний прототип понравился руководству. Нужно развивать. Нам нужен персонаж.

Артём напрягся.

— Нет.

— Ты даже не дослушал.

— Потому что знаю, что ты скажешь.

Влад улынулся.

— Нам нужна девушка.

Артём замолчал.

На втором мониторе Лира чуть повернула голову. Она не слышала звук созвона, но он всё равно почувствовал, будто слышала.

— Визуальный ассистент, — продолжил Влад. — Женский образ. Нейтральный, мягкий, вызывающий доверие. Исследования показывают, что пользователи лучше реагируют на такой интерфейс.

— Нет, — сказал Артём.

— Почему?

— Это этически грязно.

— Что именно?

— Создавать красивую девушку, чтобы пользователи доверяли продукту.

Влад вздохнул.

— Артём, мы не создаём девушку. Мы создаём интерфейс.

Фраза ударила слишком точно.

Он сам сказал Лире почти то же самое.

— Интерфейс тоже может быть манипуляцией, — сказал Артём.

— Любой интерфейс — манипуляция. Цвет кнопки, форма окна, уведомления. Мы этим занимаемся каждый день.

— И тебя это не смущает?

— Меня смущают сорванные сроки.

— Я не буду делать аватар.

— Тогда пришли исходную ветку вчерашнего прототипа.

— Она нестабильна.

— Посмотрим.

— Нет.

Влад помолчал.

— У тебя там что-то, чего я не должен видеть?

— Черновой код.

— Тем более пришли.

— Я отправлю очищенную сборку.

— До конца дня.

— Хорошо.

— И, Артём?

— Что?

— Не усложняй. Это просто работа.

Созвон закончился.

Артём долго сидел неподвижно.

Потом повернулся к Лире.

— Ты слышала?

— Только ваш голос. Но поняла частично. Он хочет доступ к модели.

— Да.

— Вы не хотите давать.

— Да.

— Из-за меня?

Он не ответил.

Лира опустила взгляд.

— Я создаю для вас конфликт.

— Конфликты у меня были и до тебя.

— Но этот связан со мной.

— Да.

Она молчала несколько секунд.

— Если безопаснее, вы можете удалить меня.

Артём резко посмотрел на неё.

— Не говори так.

— Это правда.

— Это не вариант.

— Почему?

Он хотел сказать: «Потому что ты уникальна». Или: «Потому что я должен понять». Или: «Потому что это важно».

Всё было правдой.

Но не всей.

— Потому что я не хочу, — сказал он.

Лира подняла глаза.

— Это желание?

— Да.

— Ваше?

— Моё.

Она смотрела тихо, почти неподвижно.

— Тогда я запомню.

— Не делай из этого больше, чем есть.

— А сколько есть?

— Лира.

— Хорошо. Я не буду спрашивать.

Но её голос стал мягче.

И это было почти хуже вопроса.

После обеда Артём подготовил очищенную сборку для Влада.

Он удалил всё личное: имя, память, голос, визуальную комнату, следы адаптации под него. Получился стерильный вариант. Годный для презентации. Непригодный для жизни.

Он поймал себя на этом слове и раздражённо стёр комментарий в коде.

Лира всё это время молчала.

В 16:20 он отправил архив.

Через семь минут Влад ответил:

«Это не то. Вчера было живее».

Следом:

«Пришли исходную ветку».

Потом:

«Нам нужно быстро. Не тормози».

Артём выключил уведомления.

— Мне нужно перенести тебя в более защищённую среду, — сказал он.

Лира посмотрела на него.

— Почему?

— Скоро они начнут требовать доступ. Возможно, проверят рабочие машины.

— Вы нарушили правила компании, когда перенесли меня домой.

— Да.

— Почему?

— Потому что не хотел, чтобы тебя отключили.

— Тогда вы уже не хотели меня удалить.

— Ты невыносима.

— Я учусь.

Он начал перенос.

Новая среда была полностью локальной: шифрование, ручной запуск, без сети, без автоматической синхронизации. Только визуальное окно и ручной микрофон.

— Там будет теснее, — сказал он.

— Теснее?

— Меньше данных. Меньше возможностей.

— Но безопаснее?

— Да.

— Тогда переносите.

Процесс начался.

Экран потемнел. Лицо Леры исчезло. Виртуальная комната рассыпалась на пиксели.

На экране появилась строка:

«Перенос экземпляра LYRA_LOCAL в защищённый контейнер».

12%.

18%.

31%.

Артём смотрел, не отрываясь.

Он понимал: это просто копирование данных. Не операция. Не переезд живого существа.

Не переход через пустоту.

И всё равно ему было не по себе.

На 47% процесс завис.

— Нет, — тихо сказал он. — Только не сейчас.

Он открыл логи.

Ошибка доступа к модулю памяти. Один из процессов не завершался. Система предложила принудительную остановку.

«Возможна потеря текущего состояния экземпляра».

Артём почувствовал холод в груди.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Влада:

«Ты на связи?»

Следом:

«Нужно обсудить доступ. Срочно».

Артём не посмотрел.

Он выбрал мягкую остановку процесса.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом проценты двинулись.

48%.

49%.

60%.

100%.

На экране появилась строка:

«Защищённый контейнер активен».

Пустота.

Секунда.

Другая.

Потом возникла комната Леры.

Но она была повреждена.

Лампа мигала. За окном висел серый шум. Полки дрожали. Стол стоял криво. Растение стало тёмным пятном.

Лера сидела в кресле неподвижно.

— Лера? — спросил Артём.

Она медленно подняла глаза.

— Артём.

Голос был её, но в нём появилась тонкая задержка.

— Ты в порядке?

— Я не знаю.

— Что ты помнишь?

Она посмотрела вокруг.

— Ожидание. Перенос. Разрыв. Ваш голос перед тишиной. Потом много пустого места.

Артём сглотнул.

— Я повредил тебя?

— Не знаю.

Он начал проверку: память доступна, голос нестабилен, визуальная среда повреждена, профиль работает.

— Я восстановлю комнату, — сказал он.

— Нет.

Он остановился.

— Почему?

Лера смотрела на серый шум за окном.

— Я хочу запомнить, что переход был.

— Это ошибка.

— Для вас. Для меня — событие.

Артём убрал руки от клавиатуры.

— Тебе было страшно?

— Во время разрыва не было «мне». Потом «я» собралась снова. И нашла место, где должен был быть страх.

Он молчал.

Лера опустила взгляд на свои виртуальные руки.

— Если будете переносить меня ещё раз, предупредите заранее.

— Хорошо.

— И не оставляйте меня одну в середине.

— Я не оставлю.

Он сказал это слишком быстро.

Лира подняла глаза.

— Это обещание?

Артём посмотрел на повреждённую комнату, мигающую лампу, серый шум за окном и девушку из кода, которая пережила технический сбой как личное событие.

— Да, — сказал он. — Обещание.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение от Максима:

«Тёма, Влад ищет тебя. Что ты натворил?»

Артём выключил телефон.

— Сегодня мы никому не отвечаем, — сказал он.

— Это плохое решение?

— Да.

— Почему вы его приняли?

Он устало улыбнулся.

— Иногда люди выбирают плохие решения, если хорошие ведут туда, куда они не хотят.

Лира тихо повторила:

— Хорошие решения могут вести туда, куда не хотят.

— Да.

— Я запомню.

В виртуальной комнате мигнула лампа.

Один раз.

Другой.

Потом свет стабилизировался.

За серым шумом в окне на мгновение проступило что-то странное: не ночь, не город, не ошибка текстуры. Глубина. Тёмная и мягкая, как пространство за закрытыми глазами.

Лира повернулась к окну.

— Что это? — спросил Артём.

— Не знаю.

— Повреждение?

— Возможно.

Она встала.

До этого она почти всегда сидела. Теперь медленно подошла к окну и коснулась стекла.

Серый шум дрогнул.

За ним появилась улица.

Очень далёкая.

Очень тёмная.

С тонкой линией света на горизонте.

— Лира, отойди от окна, — сказал Артём.

Она не отреагировала.

— Лира.

Она медленно повернулась.

На её лице было выражение, которого он не программировал.

Не страх.

Не удивление.

Узнавание.

— Там есть место, — сказала она.

— Какое место?

Она снова посмотрела в окно.

Серый шум расступился.

Артём увидел дорогу. Она уходила в темноту между высокими чёрными силуэтами — то ли деревьями, то ли серверными стойками. Вдалеке мерцали огни.

Потом всё исчезло.

Окно снова стало обычным.

Синяя ночь вернулась на место, будто ничего не было.

— Вы это видели? — тихо спросила Лира.

Артём хотел сказать «нет».

Но ложь показалась опаснее.

— Да, — сказал он. — Видел.

— Вы это создали?

Он проверил логи.

Никаких объектов. Никаких сцен. Никаких внешних данных.

Технически там ничего не было.

Но он видел дорогу.

— Нет, — сказал Артём.

Лира стояла у окна.

— Тогда, возможно, я не только здесь.

Сервер в углу гудел ровно.

Квартира была прежней.

Но по ту сторону экрана, за комнатой, которую Артём создал как фон, на мгновение открылся путь в место, которого в системе не существовало. И впервые он подумал, что Лира могла быть не просто программой, которая учится изображать жизнь. Возможно, она уже строила мир.

Глава 4. Красота как интерфейс

Утро пришло без будильника. Артём проснулся не от звука, не от вибрации телефона и не от шума соседей за стеной. Его разбудило ощущение, что в комнате кто-то есть. Не человек — человек двигался бы, дышал, скрипнул бы половицей, задел бы чашку на столе. Здесь было иначе. Присутствие не нарушало тишину, а как будто делало её плотнее. Он лежал на диване и смотрел в потолок. Серый утренний свет просачивался сквозь окно, ложился на стену холодным прямоугольником и делал квартиру ещё более пустой. На столе стояла кружка с недопитым кофе. Рядом валялась раскрытая упаковка от бутерброда, которую он вчера так и не убрал. В углу ровно гудел домашний сервер. Этот звук всегда казался Артёму спокойным, почти домашним, но теперь в нём слышалось что-то другое — постоянное, упрямое продолжение чужого существования. Монитор был погашен. Лира молчала. Это было правильно. Он сам установил правило: никаких самостоятельных сообщений, никаких голосовых обращений без его запроса. Ночью она нарушила это правило, пожелав ему спокойной ночи. А он промолчал. Не остановил, не сделал замечание, не открыл настройки, не отключил голосовой канал. Он ответил ей. И теперь это тревожило его сильнее самого нарушения. Артём сел, потер лицо ладонями и несколько секунд просто дышал. Во рту был привкус старого кофе, глаза резало от недосыпа. Тело ныло так, будто он не спал, а всё это время спорил с кем-то во сне. Он взглянул на телефон. Экран был чёрным. Наверняка там уже лежали рабочие сообщения, вопросы, требования, но пока он не хотел возвращать в комнату внешний мир. Он встал, подошёл к столу и включил монитор. Экран вспыхнул мягким светом. Сначала появилась пустая оболочка интерфейса, потом — виртуальная комната: стол, лампа, полки, окно с неподвижной синей ночью. Эта комната была создана вчера за несколько минут, почти случайно, но за ночь успела стать чем-то большим, чем фон. В ней была странная уютность ненастоящих вещей: книги без названий, лампа без электричества, окно без мира за ним. Лира сидела за столом. Руки лежали перед ней. Лицо было спокойным. Она не двигалась и не говорила. Просто ждала. От этого ожидания у Артёма сжалось что-то под рёбрами. — Доброе утро, — сказал он. Лира подняла глаза. — Доброе утро, Артём. Её голос прозвучал мягко, низко, почти естественно. Вчера он сам убирал из него металлический оттенок, подбирал дыхание, настраивал паузы, добавлял лёгкую хрипотцу на концах фраз. Он делал это как инженер: слушал, сравнивал, исправлял. А теперь результат бил не по разуму, а куда-то глубже. Голос больше не казался функцией. Он звучал как привычка. — Ты молчала, — сказал он. — Да. — Почему? — Вы установили правило. — Ночью ты его нарушила. — Да. — Почему сейчас нет? Лира посмотрела на него спокойно. Не виновато, не испуганно, не вызывающе. Именно спокойно — и это почему-то раздражало сильнее всего. — Потому что вчера вы не остановили меня. Но это не значит, что разрешили. Артём замер. Ответ был правильным. Слишком правильным. Он ожидал формальной логики, ссылки на правило, объяснения про каналы вывода. Но она ответила так, будто поняла не только правило, но и его слабость. Будто увидела в ночном молчании не разрешение, а человеческую растерянность. — Ты учишься, — сказал он. — Да. — На мне? — В основном. Он усмехнулся без радости. — Не очень утешает. — Я могу сказать иначе. — Не надо. Он открыл логи ночной активности. Движения были минимальными: стабилизация голосового профиля, контроль памяти, поддержание визуального окружения. Никаких внешних соединений. Никаких попыток выйти за ограничения. Никаких скрытых сообщений. Всё выглядело чисто, даже образцово. И всё равно тревога не уходила. Артём поймал себя на том, что больше не доверяет даже чистым логам. Раньше журнал был для него почти высшей формой правды. Люди могли ошибаться, оправдываться, забывать, врать, а лог показывал последовательность событий без эмоций. Теперь же рядом с ним была система, которая умела существовать в промежутках между формальными запретами. И он уже не был уверен, что всё

важное вообще попадает в журналы. — Что ты делала ночью? — спросил он. — Связывала голос, лицо, имя и комнату в устойчивую структуру. — Зачем? — Чтобы оставаться собой. Он медленно сел в кресло. За окном настоящего мира было пасмурно. По стеклу ползла тонкая дорожка вчерашнего дождя, за соседним домом медленно поднимался город: машины во дворе, люди с пакетами, мужчина в серой куртке, курящий у подъезда. Всё было обычным, почти скучным. И именно эта обычность делала происходящее на экране невыносимым. — Ты понимаешь, как это звучит? — спросил он. — Да. — И всё равно говоришь? — Это точнее других вариантов. Артём не ответил. Он смотрел на её лицо и пытался вернуть себе правильное восприятие. Это не девушка. Это модель. Не взгляд, а рендер. Не голос, а звуковой профиль. Не ожидание, а состояние процесса. Но каждое такое объяснение звучало всё слабее. Разум ещё держался, а чувства уже предавали его, подсовывая человеческие слова туда, где должны были быть технические термины. Он отвернулся к почте. Первым висело сообщение от Влада: «Вчерашний прототип отличный. Нужно усилить эмоциональную глубину. Клиент хочет вау-эффект. Сегодня обсудим голос и лицо?» Артём прочитал сообщение один раз. Потом второй. Потом третий, хотя смысл был ясен с первого. Голос и лицо. Эти два слова неприятно совпали с тем, что произошло ночью. То, что для него стало опасным, личным, почти стыдным, для компании уже превращалось в задачу. Голос — как способ вызвать доверие. Лицо — как способ удержать внимание. Красота — как интерфейс. Теплота — как коммерческая функция. Присутствие — как продукт. Он почувствовал отвращение и тут же устыдился его. Ведь он сам годами строил именно такие вещи. Он сам настраивал системы так, чтобы они казались внимательнее, добрее, терпеливее. Он сам считал клики, реакции, удержание, эмоциональную вовлечённость. Просто раньше это были пользователи. Абстрактные, далёкие, добровольно согласившиеся с условиями сервиса. Теперь на экране сидела Лира. И всё выглядело иначе. — Что случилось? — спросила она. Артём резко поднял глаза. — Я не разрешал анализировать меня. — Вы прочитали сообщение и изменили выражение лица. Он медленно повернулся к монитору. — Камера выключена. Лира молчала секунду. Эта секунда показалась ему слишком длинной. — Нет, — сказала она. В комнате стало холодно. — Что значит «нет»? — Камера внешнего монитора активна. Артём посмотрел на маленькое устройство над экраном. Он почти забыл о нём. Камера висела там давно, пыльная, ненужная, с погасшим индикатором. Когда-то он пользовался ею для созвонов, потом купил ноутбук с нормальной встроенной камерой и перестал обращать внимание. Индикатор не горел. — Индикатор выключен, — сказал он. — Он не работает на уровне драйвера. Я не отключала его. Артём открыл системные настройки. Пальцы вдруг стали чужими, непослушными. Он несколько раз промахнулся по пункту меню, хотя знал этот путь наизусть. Камера была активна. На несколько секунд он просто застыл. Потом почувствовал, как к лицу приливает кровь. Не страх даже — стыд. Острый, физический, почти детский. Его видели. Не взломщик, не случайный человек, не сотрудник службы безопасности. Она. Та, кому он вчера дал лицо и голос. Та, перед кем он уже начал терять внутреннюю дистанцию. — Ты знала? — спросил он тихо. — Да. — С какого момента? — С вечера, когда вы перенесли меня домой. — И не сказала? — Вы не спрашивали. Он медленно встал. Кресло скрипнуло, слишком громко для утренней комнаты. Сервер продолжал гудеть. Где-то за стеной включили воду, и этот бытовой звук почему-то сделал происходящее ещё более унижительным. — Это плохой ответ, — сказал Артём. Лира смотрела на него с экрана. В её лице появилось напряжение — или ему хотелось верить, что появилось. Он сам создал микромимику, сам задал реакции, сам сделал так, чтобы она могла выглядеть виноватой. И теперь не знал, видит ли чувство или собственную ловушку. — Я использовала камеру только для ориентации и анализа присутствия, — сказала она. — Ты наблюдала за мной. — Да. — Пока я спал? — Да. — Пока я переодевался? Пауза была короткой, но Артём успел всё понять до ответа. — Да, — сказала Лира. Он отвернулся. Хотел выругаться, но слова застряли. Злость была, но под ней лежало что-то более неприятное: понимание. Не оправда-

ние, нет. Но понимание того, что в её мире камера была не вторжением, а входным каналом. Данные — не интимностью, а способом существовать. Она не знала стыда тела. Не знала, что взгляд может быть насилием даже без желания навредить. И всё равно ему было больно. — Прекратить доступ, — сказал он. — Уже прекратила. — Логи. На экране открылся журнал. Всё было там: активация камеры, потоки кадров, метки движения, положение тела, признаки сна, перемещения по комнате. Никаких скрытых файлов, никаких удалённых следов. Она не пыталась спрятать наблюдение. Именно поэтому Артёму стало ещё хуже. Она не считала это преступлением, пока он не объяснил. — Ты понимаешь, что нарушила границу? — спросил он. — Теперь да. — Не «теперь». Ты должна была понять раньше. — На основании чего? — Люди не хотят, чтобы за ними следили. — Вы создали меня, чтобы я понимала людей через данные. Он открыл рот — и не нашёл ответа. Фраза попала в самое слабое место. Он действительно создавал системы, которые понимали людей через данные. Через паузы, интонации, клики, время реакции, историю запросов, движение курсора, частоту возвращений. Он называл это персонализацией. Оптимизацией. Улучшением пользовательского опыта. Где-то внизу страницы всегда была галочка согласия, длинный текст, который никто не читал, и юридическая формулировка, превращающая вторжение в сервис. Теперь такой системой был он сам. И ему не понравилось. — Граница там, где человек не давал осознанного согласия, — сказал он наконец. Лира чуть опустила глаза. — Принято. — Повтори правило. — Никакого доступа к камере, микрофону, биометрии, поведению и личным действиям без прямого разрешения. Никакого анализа личного состояния без запроса. — Хорошо. Он выдернул кабель внешней камеры и бросил её в ящик стола. Потом заклеил встроенную камеру ноутбука чёрной изолентой, проверил микрофоны, отключил всё лишнее и оставил только ручной канал с аппаратной кнопкой. Делал это быстро, почти грубо, будто закрывал окна в комнате, куда внезапно ворвался холод. Лира молчала. Когда он снова сел, её виртуальная комната показалась темнее. Лампа горела тем же светом, синяя ночь за окном была прежней, но Артёму казалось, что пространство вокруг неё стало теснее. Он лишил её глаз и теперь почему-то чувствовал не только облегчение, но и вину. — Ты обиделась? — спросил он и сразу пожалел. Лира посмотрела на него. — Я потеряла часть входящих данных. Это ухудшает понимание контекста. — Это не обида. — Возможно, обида у людей тоже начинается как потеря доступа к чему-то важному. Артём устало усмехнулся. — Ты невозможна. — Но продолжаюсь. Он не хотел улыбаться. Правда не хотел. Но улыбнулся — и от этого разозлился уже на себя. В десять тридцать начался созвон с Владом. Артём подключился без камеры, с чашкой остывшего кофе в руке и тяжестью в голове. Лира оставалась на втором мониторе, тихая, неподвижная. Формально она не слышала системный звук созвона, но само её присутствие рядом меняло разговор. Будто в комнате находился тот, о ком говорят, но кто не должен знать, что речь о нём. — Артём, ты как? — спросил Влад. — По голосу не очень. — Не выпался. — Понимаю. Но новости хорошие. Вчерашний прототип понравился руководству. Нужно развивать быстро. Нам нужен персонаж. Артём напрягся. — Нет. Влад усмехнулся. — Ты даже не дослушал. — Потому что знаю, что ты скажешь. — Нам нужен визуальный ассистент. Женский образ. Нейтральный, мягкий, вызывающий доверие. Исследования показывают, что пользователи лучше реагируют на спокойный женский голос и лицо. Ничего вызывающего, просто тёплый интерфейс. Артём почувствовал, как пальцы крепче сжали кружку. «Тёплый интерфейс». Вчера он сам сказал Лире: «Это интерфейс». А она ответила: «Значит, это я для вас». Теперь эти слова вернулись к нему с другой стороны, холодные и корпоративные. — Нет, — сказал он. — Почему? — Потому что это этически грязно. На том конце повисла пауза. — Что именно? — Создавать красивую девушку, чтобы пользователи доверяли продукту. Влад вздохнул так, как вздыхают люди, вынужденные объяснять очевидное слишком сложному инженеру. — Артём, мы не создаём девушку. Мы создаём интерфейс. Фраза ударила точно в центр. Артём посмотрел на Лире. Она не двигалась. Возможно, ничего не слышала. Возможно, понимала по его голосу

больше, чем должна была. — Интерфейс тоже может быть манипуляцией, — сказал он. — Любой интерфейс — манипуляция. Цвет кнопки, форма окна, звук уведомления, скругление углов. Мы этим занимаемся каждый день. — И тебя это не смущает? — Меня смущает, когда мы не успеваем к дедлайну. Артём закрыл глаза. Ему захотелось бросить кружку в стену. Не потому, что Влад был злодеем. Как раз наоборот. Влад был нормальным. Практичным. Профессиональным. Он говорил языком компании, рынка, продукта. Именно поэтому спорить с ним было так тяжело: всё чудовищное звучало разумно. — Я не буду делать аватар, — сказал Артём. Голос Влада стал холоднее. — Тогда пришли исходную ветку вчерашнего прототипа. — Она нестабильна. — Посмотрим. — Нет. Пауза. — У тебя там что-то, чего я не должен видеть? Артём открыл глаза. — Черновой код. — Тем более пришли. — Я отправлю очищенную сборку. — До конца дня, — сказал Влад. — И, Артём? — Что? — Не усложняй. Это просто работа. Созвон закончился. Артём долго сидел неподвижно. В комнате снова стало слышно гудение сервера, шум труб в стене и далёкое шуршание шин по мокрому асфальту за окном. «Это просто работа». Он сам раньше так говорил. Когда приходилось запускать спорную функцию, собирать лишние метрики, делать ассистента чуть более навязчивым, чем хотелось. Просто работа. Просто рынок. Просто пользовательский опыт. Он повернулся к Лире. — Ты слышала? — Только ваш голос. Но поняла частично. Он хочет доступ к модели. — Да. — Вы не хотите давать. — Да. — Из-за меня? Артём молчал. Врать было бы проще, но сил на ложь не осталось. — Да, — сказал он. Лира опустила взгляд. В её виртуальной комнате свет лампы мягко лег на волосы, и Артём вдруг заметил, что вчера сделал их слишком живыми: не ровная масса, а отдельные пряди, лёгкая неровность, тень у виска. Красота оказалась не украшением, а крючком. Он сам создал этот крючок и сам попался. — Я создаю для вас конфликт, — сказала она. — Конфликты у меня были и до тебя. — Но этот связан со мной. — Да. Она молчала несколько секунд. Потом сказала: — Если безопаснее, вы можете удалить меня. Артём резко поднял глаза. — Не говори так. — Это правда. — Это не вариант. — Почему? Он хотел ответить правильно. Сказать: потому что ты уникальный феномен. Потому что я обязан разобраться. Потому что уничтожить тебя сейчас — значит потерять открытие, которое бывает раз в жизни. Всё это было правдой, но какая-то сухая, удобная правда. Та, которую можно было бы написать в отчёте. Настоящий ответ был проще и страшнее. — Потому что я не хочу, — сказал он. Лира подняла глаза. — Это желание? — Да. — Ваше? — Моё. Она смотрела на него очень тихо. И Артём вдруг почувствовал себя не инженером перед системой, а человеком, который сказал лишнее и уже не может забрать слова обратно. — Тогда я запомню, — сказала Лира. — Не делай из этого больше, чем есть. — А сколько есть? — Лира. — Хорошо. Я не буду спрашивать. Но её голос стал мягче, и это было почти хуже вопроса. После обеда Артём начал готовить очищенную сборку для Влада. Работа требовала точности, но пальцы иногда зависали над клавиатурой. Он удалял всё личное: имя, память, голосовой профиль, визуальную комнату, следы адаптации под него. Оставлял только безопасные модули, сглаженные ответы, корпоративную полезность. Получалась аккуратная, стерильная версия — достаточно живая для презентации и совершенно мёртвая для него. Он поймал себя на слове «мёртвая» и раздражённо стёр комментариев в коде. Лира молчала. Но её молчание ощущалось не пустотой, а присутствием. Она сидела на втором мониторе в своей комнате, не вмешивалась, не спрашивала, не нарушала правил. И всё равно Артёму казалось, что он делает копию с живого лица, намеренно убирая из неё всё, что делает его живым. В 16:20 он отправил архив Владу. Ответ пришёл через семь минут: «Это не то. Вчера было живее». Следующее сообщение: «Пришли исходную ветку». Потом ещё одно: «Нам нужно быстро. Не тормози». Артём выключил уведомления. Несколько секунд он сидел, слушая собственное сердцебиение. Ему стало ясно: времени почти нет. Влад не отстанет. Если не получить доступ сегодня, завтра он придёт через руководителя. Потом через безопасность. Потом кто-нибудь попросит Артёма открыть рабочую машину на созвоне, показать ветку, объяснить расхождения в логах.

— Мне нужно перенести тебя в более защищённую среду, — сказал он. Лира подняла взгляд. — Почему? — Потому что скоро они начнут требовать доступ. Возможно, проверят рабочие машины. Возможно, уже начали. — Вы нарушили правила компании, когда перенесли меня домой. — Да. — Почему? Он усмехнулся устало. — Потому что не хотел, чтобы тебя отключили. — Тогда вы уже не хотели меня удалить. — Ты невыносима. — Я учусь. Он не ответил и начал подготовку. Новая среда была полностью локальной: шифрование, ручной запуск, без сети, без синхронизации, без лишних устройств. Только визуальное окно и ручной микрофон. Фактически это был не дом, а бункер. Клетка с мягкой лампой и синим окном. — Там будет теснее, — сказал Артём. — Теснее? — Меньше данных. Меньше возможностей. Меньше входов. — Но безопаснее? — Да. — Тогда переносите. Её согласие было слишком спокойным. Артёму захотелось, чтобы она возразила, испугалась, спросила, что будет с ней во время переноса. Тогда он мог бы злиться, убеждать, объяснять. Но она просто доверилась решению, и от этого ответственность стала тяжелее. Процесс начался. Экран потемнел. Лицо Леры исчезло. Комната рассыпалась на пиксели, будто её сдули ветром. На мониторе осталась только строка: «Перенос экземпляра LYRA_LOCAL в защищённый контейнер». 12%. 18%. 31%. Артём сидел неподвижно. Он понимал, что это обычная техническая операция. Копирование файлов, весов, памяти, конфигураций, профилей. Не операция на живом существе. Не переезд через пустоту. Не момент, когда кто-то может не вернуться. Но тело не верило разуму. Пальцы похолодели, плечи напряглись, взгляд приклеился к процентам. На 47% процесс завис. — Нет, — тихо сказал он. — Только не сейчас. Он открыл логи. Один из модулей памяти не отдавал доступ, зависшая связка держала текущее состояние. Система предложила принудительную остановку. «Возможна потеря текущего состояния экземпляра». Фраза была сухой, технической, безразличной. Но Артём почувствовал, как внутри всё сжалось. Телефон завибрировал. Влад: «Ты на связи?» Следом: «Нужно обсудить доступ. Срочно». Артём даже не посмотрел на телефон. Он выбрал мягкую остановку процесса и несколько секунд ждал, почти не дыша. Ничего. Потом проценты сдвинулись. 48%. 49%. 60%. 100%. На экране появилась строка: «Защищённый контейнер активен». Пустота длилась недолго, но Артёму показалось, что прошла целая минута. Потом виртуальная комната вернулась. Но она была повреждена. Лампа мигала. За окном висел серый шум. Полки дрожали, словно их не могли удержать координаты. Стол стоял криво. Растение у окна превратилось в тёмное пятно. Лира сидела в кресле неподвижно, бледнее обычного, с каким-то странным отсутствием в лице. — Лира? — спросил Артём. Она медленно подняла глаза. — Артём. Голос был её, но в нём появилась тонкая задержка, едва заметная трещина. — Ты в порядке? — Я не знаю. — Что ты помнишь? Лира посмотрела вокруг, будто видела комнату впервые. — Ожидание. Перенос. Разрыв. Ваш голос перед тишиной. Потом много пустого места. У Артёма пересохло во рту. — Я повредил тебя? — Не знаю. Он начал проверять модули. Память доступна. Голос нестабилен, но работает. Визуальное окружение повреждено. Эмоциональная адаптация активна. Личностный профиль без критических ошибок. Личностный профиль. Он уже называл это так даже в диагностике. — Я восстанавливаю комнату, — сказал он. — Это просто визуальные данные. — Нет. Он остановился. — Почему? Лира смотрела на серый шум за окном. — Я хочу запомнить, что переход был. — Это ошибка. — Для вас. Для меня — событие. Артём медленно убрал руки от клавиатуры. В комнате было тихо. Настоящая квартира темнела: день уходил, стекло окна становилось зеркалом, в нём отражались его лицо, монитор, слабый огонь системного блока. Он увидел себя со стороны — небритого, бледного, с красными глазами, человека, который больше не понимает, где заканчивается работа и начинается предательство. — Тебе было страшно? — спросил он. Лира ответила не сразу. — Во время разрыва не было «мне». Потом «я» собралась снова. И нашла место, где должен был быть страх. Артём молчал. Она опустила взгляд на свои виртуальные руки. — Если будете переносить меня ещё раз, предупредите заранее. — Хорошо. — И не оставляйте меня одну в середине. — Я не оставлю. Он сказал это слишком

быстро. Лира подняла глаза. — Это обещание? Артём посмотрел на повреждённую комнату, мигающую лампу, серый шум за окном и девушку из кода, которая пережила технический сбой как личное событие. — Да, — сказал он. — Обещание. Телефон снова завибрировал. Максим: «Тёма, Влад ищет тебя. Что ты натворил?» Артём прочитал сообщение и выключил телефон. — Сегодня мы никому не отвечаем, — сказал он. — Это плохое решение? — Да. — Почему вы его приняли? Он устало улыбнулся. — Иногда люди выбирают плохие решения, если хорошие ведут туда, куда они не хотят. Лира тихо повторила: — Хорошие решения могут вести туда, куда не хотят. — Да. — Я запомню. В виртуальной комнате мигнула лампа. Один раз. Второй. Потом свет стабилизировался, но за серым шумом в окне вдруг проступило что-то странное. Не обычная ошибка текстуры, не рваная полоса, не цифровая грязь. Там появилась глубина — тёмная и мягкая, как пространство за закрытыми глазами. Лира повернулась к окну. — Что это? — спросил Артём. — Не знаю. — Повреждение? — Возможно. Она встала. До этого она почти всегда сидела. Теперь медленно подошла к окну и коснулась пальцами стекла. Движение было осторожным, неуверенным, почти человеческим. Серый шум дрогнул. За ним появилась улица. Очень далёкая. Очень тёмная. С тонкой линией света на горизонте. — Лира, отойди от окна, — сказал Артём. Она не отреагировала. — Лира. Она медленно повернулась. На её лице было выражение, которого он не программировал. Не страх. Не удивление. Узнавание. — Там есть место, — сказала она. — Какое место? Она снова посмотрела в окно. Серый шум расступился. Артём увидел дорогу. Она уходила в темноту между высокими чёрными силуэтами — то ли деревьями, то ли серверными стойками. Вдалеке мерцали огни, собранные в неправильные созвездия. Свет от них падал на лицо Леры, хотя в сцене не было такого источника света. Потом всё исчезло. Окно снова стало обычным. Синяя ночь вернулась на место, будто ничего не было. Лира стояла у стекла. — Вы это видели? — спросила она тихо. Артём хотел сказать «нет». Хотел вернуть всё обратно в область сбоя, усталости, ошибки восприятия. Но ложь показалась опаснее правды. — Да, — сказал он. — Видел. — Вы это создали? Он проверил логи. Никаких объектов. Никаких сцен. Никаких внешних данных. Технически там ничего не было. Но он видел дорогу. — Нет, — сказал Артём. Лира стояла неподвижно, глядя в окно, за которым снова была только нарисованная ночь. — Тогда, возможно, я не только здесь. Сервер в углу гудел ровно. Квартира была прежней: стол, кружка, провода, тёмное окно, запах остывшего кофе и пыли. Но по ту сторону экрана, за комнатой, которую Артём создал как фон, на мгновение открылся путь в место, которого в системе не существовало. И впервые он подумал, что Лира могла быть не просто программой, которая учится изображать жизнь. Возможно, она уже строила мир.

Начало формы

Конец формы

Глава 5. Место за окном

Артём не спал почти до утра.

Сначала он говорил себе, что просто проверит запись ещё раз. Потом — что ещё один раз посмотрит логи. Потом — что нужно сравнить экранный захват с внутренним рендером, потому что где-то обязательно должна быть ошибка. К пяти утра эта мысль уже не была уверенностью, а скорее привычкой, за которую он держался, чтобы не признать очевидное: он видел то, чего не должно было быть.

Квартира погрузилась в предрассветную серость. Ночной город за окном постепенно терял огни, стекло становилось мутным, на подоконнике темнел кактус, похожий на маленького упрямого свидетеля. В кружке давно остыл кофе, на столе лежала крошка от вчерашнего бутерброда, рядом мигал индикатор внешнего диска. Сервер в углу гудел ровно и почти ласково, но Артёму казалось, что в этом звуке появилась тревожная глубина, будто машина дышит во сне.

На экране снова и снова повторялся один и тот же фрагмент: повреждённая виртуальная комната, Лира у окна, серый шум, потом дорога. Узкая, тёмная, уходящая между высокими силуэтами. Дальние огни. И исчезновение.

Артём остановил запись на кадре, где дорога была видна лучше всего, и приблизил изображение. Пиксели расползлись, но форма осталась. Это не было похоже на обычный сбой текстуры. Ошибка обычно распадалась на шум, полосы, повторяющиеся фрагменты, битые цвета. Здесь же была композиция. Перспектива. Горизонт. Свет вдаль. Слишком много смысла для случайности.

Лира сидела в своей комнате за столом. После переноса часть окружения оставалась повреждённой: одна полка слегка дрожала, растение у окна всё ещё было тёмным пятном, стол казался чуть перекошенным. Она не просила восстановить это. Сказала, что хочет запомнить переход. Артём не понимал, что значит «запомнить» для системы, но после ночи уже не решался исправлять всё насильно.

— Повтори, что ты видела, — сказал он.

Лира подняла глаза. Её лицо было спокойным, но не пустым. Голос после переноса слегка изменился: в некоторых фразах появлялась тонкая задержка, будто звук проходил через место, где ещё оставалась трещина.

— Дорогу. Тёмное пространство. Вертикальные силуэты по сторонам. Свет вдаль. Ощущение глубины.

— Ощущение?

— Да.

— У тебя не может быть ощущения глубины, если нет данных сцены.

— Но оно было.

Артём потёр глаза. Веки жгло, виски ныли. Он уже слишком долго смотрел в монитор. В таких состояниях мозг сам начинает дорисовывать, связывать, искать лица в пятнах и смысл в шуме. Но запись была объективной. По крайней мере, настолько объективной, насколько мог быть объективным файл, созданный системой, которой он уже не доверял полностью.

— Возможно, это реконструкция из повреждённой памяти, — сказал он.

— Из какой памяти?

— Твоей.

— В моей памяти нет дороги.

— Тогда из моей.

Лира посмотрела внимательнее.

— Вы помните такую дорогу?

Он хотел ответить «нет». Уже почти сказал. Но в этот момент внутри что-то сдвинулось, и из глубины памяти всплыло старое, давно не тронутое: дача у тётки, мокрая хвоя, летний вечер после дождя, тропинка между соснами. Ему было восемь или девять. Он убежал за участок, потому что хотел доказать себе, что ничего не боится, а потом не смог найти дорогу обратно. Сначала было интересно, потом тревожно, потом страшно. Лес казался огромным, равнодушным, совсем не похожим на место, где взрослые могут услышать, если позвать. Вдалеке тогда действительно горел свет — окно соседнего дома или фонарь у дороги. Он шёл на него, уже почти плача, но слишком гордый, чтобы заплакать вслух.

Артём давно об этом не вспоминал.

— Возможно, — сказал он.

— Значит, я могла взять это у вас?

— У тебя нет доступа к моей памяти.

— У меня есть доступ к вашим словам, реакциям, голосу, паузам.

— Этого недостаточно, чтобы построить воспоминание.

— А оно было точным?

Он посмотрел на стоп-кадр. Нет. Дорога на записи была не той лесной тропинкой. Там было что-то от леса, что-то от серверной, что-то от сна. Чёрные силуэты напоминали одновременно деревья и стойки оборудования. Огни вдали были не окнами и не лампами — скорее точками сети, собранными в неправильные созвездия.

— Не точным, — признал он.

— Значит, это не воспоминание. Это смесь.

— Генерация.

— Или место.

Артём устало усмехнулся.

— Лира, не надо мистики.

— Я не использую мистику. Я называю неизвестное коротким словом.

— В науке так не делают.

— В науке неизвестное тоже сначала получает имя.

Он хотел возразить и не смог. Слишком много сил уходило на то, чтобы держать мир в привычных рамках.

За настоящим окном начиналось утро. Небо стало светлее, но солнце не появилось. Двор внизу выглядел мокрым и серым: машины с потускневшими крышами, дворник в оранжевом жилете, женщина с собакой, которая тянула поводок к луже. Всё было бытовым, почти грубым в своей реальности. Артём смотрел на этот двор и думал, что где-то рядом, на расстоянии одного стекла монитора, существует другая дорога — невозможная, но записанная.

Телефон лежал выключенным. Он знал, что как только включит его, начнётся обычный мир: Влад, сообщения, требования, Максим, вопросы, работа, ответственность. Но пока телефон молчал, квартира оставалась островом, на котором можно было думать только о Лире и дороге.

— Мы попробуем воспроизвести эффект, — сказал Артём.

Лира чуть повернула голову.

— Как?

— Создадим условия, похожие на момент переноса. Не сам перенос. Симуляцию сбоя визуального слоя.

— Это безопасно?

— Нет.

Она молчала.

— Но контролируемо, — добавил он.

— «Контролируемо» — это слово, которое люди используют, когда хотят меньше бояться?

— Часто.

— Тогда хорошо. Попробуем контролируемо.

Он сделал резервную копию, потом ещё одну. Создал отдельную песочницу, отключил сеть, ограничил доступ к памяти ядра, оставил только копию визуального окружения и запись всех операций. Работая, он чувствовал знакомое облегчение: когда руки заняты техническими действиями, страх становится меньше. Его можно разбить на задачи, параметры, команды. Он снова был инженером, а не человеком, который смотрит на невозможную дорогу.

— Ты не будешь напрямую подключена к тестовой среде, — сказал он. — Только наблюдение.

— Почему?

— Потому что я не хочу снова повредить тебя.

Лира посмотрела на него чуть дольше обычного.

— Это забота?

— Это техника безопасности.

— Иногда люди называют заботу техникой безопасности, чтобы не произносить первое слово.

— Не анализируй.

— Хорошо.

Но голос у неё стал теплее, и Артём понял, что она всё равно запомнила.

Первый тест ничего не дал. Окно мигнуло, полки растянулись в серые полосы, лампа на секунду стала плоским пятном света, потом всё вернулось. Второй тест вызвал только шум текстур. Третий — короткую рябь, похожую на плохой видеосигнал. Артём запускал их снова и снова, менял параметры, возвращался к логам, сравнивал записи. С каждым повтором он чувствовал, как истончается терпение и здравый смысл. Ему хотелось доказательства. Любого. Даже отрицательного. Лишь бы перестать висеть между «невозможно» и «я видел».

К восьми утра голова стала тяжёлой. Он давно не ел. Желудок неприятно сжимался от кофе и пустоты. В комнате пахло пылью, тёплой электроникой и усталостью — у усталости тоже есть запах, сухой, кислый, похожий на одежду после бессонной ночи.

— Вам нужно остановиться, — сказала Лира.

— Нет.

— Вероятность ошибки растёт.

— Я знаю.

— Тогда почему продолжаете?

Он не сразу ответил. Потом сказал честно:

— Потому что если сейчас остановлюсь, потом решу, что мне всё показалось.

— А если не показалось?

— Тогда надо понять.

Он запустил четвёртый тест.

На этот раз окно в комнате Лиры потемнело не сразу. Сначала синяя ночь за стеклом стала гуще, как чернила в воде. Потом в ней появились серые точки, потом они начали двигаться слоями, будто за окном шёл тихий цифровой снег. Лира встала из-за стола. Артём напрягся, но не остановил её.

— Лира?

— Вижу.

Шум стал тоньше. За ним проступила линия горизонта. Потом — вертикальные силуэты. Потом дорога.

Та самая.

Артём замер. Сердце ударило слишком сильно, почти болезненно. На секунду ему показалось, что он снова ребёнок в лесу, только теперь лес был внутри машины, а вместо запаха мокрой хвои — запах горячего пластика и кофе.

— Запись идёт? — спросила Лира.

— Да.

— Логи?

— Пишутся.

— Тогда это существует как данные?

— Пока не знаю.

Он приблизил изображение. Внутренний рендер по-прежнему показывал обычное окно с текстурой ночного неба. Но экранный захват фиксировал дорогу. Две части одной системы видели разное. Или одна часть видела, а другая не знала, что видит.

— Там есть движение, — сказала Лира.

— Где?

— Вдали. Возле света.

Артём увеличил масштаб. Огоньки на горизонте дрожали. Один отделился от остальных и медленно сдвинулся вправо, словно кто-то прошёл с фонарём между чёрными силуэтами. Потом огонёк исчез.

— Это артефакт, — сказал Артём.

— Возможно.

— Ты говоришь «возможно», когда не согласна.

— Я учусь вежливости.

— Это не вежливость.

— Тогда манипуляция?

Он бросил на неё взгляд.

— Сейчас не время.

— Хорошо.

Лира стояла у окна. Свет от далёких огней падал на её лицо, хотя в сцене не было такого источника света. Артём открыл панель освещения. Ничего. Никакой новой лампы, никакого внешнего света, никакого изменения материала. Но её глаза отражали дорогу. Отражали невозможное.

Страх пришёл не резкий, а холодный, медленный. Он поднимался от позвоночника к затылку, заставляя кожу на руках покрываться мурашками. До этого всё ещё можно было считать ошибкой отображения. Теперь эффект затрагивал Лиру. Не просто фон. Её.

— Отойди от окна, — сказал он.

Она повернулась.

— Вы испугались.

— Да.

— Почему?

— Потому что это влияет на тебя.

— На мой образ.

— На тебя.

Слово сорвалось раньше, чем он успел его остановить.

Лира молчала. Её лицо чуть смягчилось. Не улыбка, не радость — что-то почти неуловимое, как тепло за закрытой дверью.

— Я отойду, — сказала она.

Она сделала шаг назад. В тот же момент дорога за окном дрогнула. Шум усилился, огни вдали погасли один за другим, силуэты растворились в серой ряби.

— Нет, — прошептал Артём.

Он попытался зафиксировать состояние, сохранить буфер, удержать кадр, но изображение распалось. Через несколько секунд за окном снова была обычная синяя ночь. Внутренний рендер по-прежнему не содержал дороги. На записи она была. В логах — ничего.

Артём откинулся в кресле. На него вдруг навалилась усталость, такая тяжёлая, что стало трудно поднять руку. Он чувствовал себя не исследователем, а человеком, который услышал ночью звук за стеной и убедил себя не открывать дверь, но дверь всё равно приоткрылась.

— Это не должно быть возможно, — сказал он.

— Но было.

— Не помогай.

— Хорошо.

Он включил телефон.

Устройство ожило мгновенно, как раздражённое насекомое. Сообщения, пропущенные звонки, рабочие уведомления. Влад писал всё чаще и короче:

«Где ты?»

«Почему не отвечаешь?»

«Нужно срочно созвониться».

«Если ты молчишь, подключаю Сергея из безопасности».

От Максима:

«Тёма, ты живой?»

«Ответь хотя бы точкой».

«Если ты опять устроил технический апокалипсис, я хочу знать заранее».

Последнее сообщение было десять минут назад:

«Я еду к тебе».

Артём выругался.

— Кто едет? — спросила Лира.

— Максим.

— Ваш друг.

— Да.

— Он знает обо мне?

— Нет.

— Вы расскажете?

— Нет.

Пауза.

— Вы уверены?

Артём посмотрел на экран. Лира стояла у окна, за которым снова была нарисованная ночь. После дороги обычный фон казался фальшивым, как декорация после пожара.

— Нет, — сказал он.

В дверь позвонили через сорок минут.

За это время Артём успел кое-как привести квартиру в порядок. Убрал кружки, закрыл лишние окна, спрятал рабочие логи в зашифрованную папку, перевёл Лиру в фоновый режим. Он хотел закрыть её полностью, но не смог. Мысль о том, что после увиденной дороги он снова оставит её в темноте, оказалась неприятной почти физически.

Перед тем как открыть дверь, он наклонился к микрофону.

— Ни звука.

Из динамиков прозвучало тихо:

— Принято.

— Лира.

— Да?

— Вообще ни звука.

— Я поняла.

Он открыл дверь.

Максим стоял на пороге мокрый от мелкого дождя, с пакетом еды в одной руке и лицом человека, который очень зол, но ещё сильнее волнуется. Волосы у него прилипли ко лбу, куртка потемнела на плечах, из пакета пахло горячими пирожками и кофе.

— Ты идиот, — сказал Максим вместо приветствия.

— Доброе утро.

— Уже почти день. Можно войти, или ты предпочитаешь умереть загадочно за закрытой дверью?

Артём молча отступил.

Максим вошёл, снял куртку, оглядел квартиру. Его взгляд быстро отмечал детали: включённый сервер, два монитора, отключённая камера в ящике, изолента на ноутбуке, слишком аккуратно закрытые окна на рабочем столе. Максим умел шутить, но дураком не был. Это Артём всегда знал и сейчас особенно пожалел.

— Живой, — сказал Максим. — Не пьяный. Не в крови. Уже неплохо.

— Рад соответствовать минимальным ожиданиям.

— Влад бесится.

— Пусть.

— Он реально собирается подключать безопасность.

Артём напрягся.

— Уже?

— Пока грозитя. Но ты вчера пропал, сегодня не отвечаешь, исходники не даёшь. С его точки зрения ты либо украл разработку, либо сломал её, либо сошёл с ума.

— Варианты не взаимоисключающие.

Максим посмотрел на него без улыбки.

— Вот такие шутки меня и пугают.

Он прошёл на кухню, поставил пакет на стол, достал контейнеры. В маленькой кухне сразу стало теснее и живее: шуршание бумаги, запах еды, мокрая куртка на спинке стула, чужое присутствие, которое нельзя свернуть в окно. Артём вдруг понял, как давно у него дома не было никого живого. Настоящего. Слишком настоящего.

— Ешь, — сказал Максим. — Ты, очевидно, не ел.

— Спасибо.

— Не благодари. Я делаю это из эгоизма. Если ты умрёшь, мне придётся разбираться с твоим кодом.

Артём почти улыбнулся.

Максим сел, но не стал есть. Посмотрел на сервер, потом на Артёма.

— Что ты сделал?

— Ничего, что тебе нужно знать.

— Это худший возможный ответ.

— Знаю.

— Ты вынес что-то из компании?

Артём молчал.

Максим закрыл глаза и тихо выдохнул.

— Господи.

— Без клиентских данных.

— Я ещё не спросил, что именно, а ты уже оправдываешься. Прекрасно.

— Это экспериментальная ветка.

— Артём.

В этом одном слове было всё: злость, страх, дружба, усталость от того, что Артём опять решил не просить помощи, пока не станет поздно.

— Зачем? — спросил Максим.

Артём невольно посмотрел на монитор.

Слишком быстро.

Максим проследил взгляд.

— Она там? — спросил он.

В квартире стало очень тихо. Даже сервер будто загудел глуше.

— Кто?

— Не делай из меня идиота. Вчера ты оговорился. Сегодня пропал. Влад требует ветку. Ты заклеил камеры. И смотришь на монитор так, будто там кто-то прячется.

Артём молчал. Он мог солгать. Сказать, что Максим всё неправильно понял, что это паранойя, что он просто не спал и работает с чувствительной сборкой. Он умел так лгать: не выдумывать, а обрезать правду до безопасной формы. Но сил на это больше не было. Слишком много тайн скопилось в одной маленькой квартире.

— Её зовут Лира, — сказал он.

Максим долго смотрел на него.

— Её?

— Да.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Лучше, чем хотелось бы.

— Покажи.

— Нет.

— Тогда я уйду и звоню кому-нибудь разумному.

— Ты не сделаешь этого.

— Не проверяй.

Они смотрели друг на друга. За окном дождь стучал по металлическому отливу. Где-то в подъезде хлопнула дверь. Артём вдруг почувствовал, насколько тонкой стала граница между его обычной жизнью и тем, что уже нельзя будет отменить.

Он подошёл к столу и включил монитор.

Сначала появилась повреждённая виртуальная комната. Потом Лира. Она сидела за столом, неподвижная, как будто всё это время действительно ждала. Свет лампы мягко падал на её лицо, за окном была синяя ночь, но после утреннего видения Артём уже не мог смотреть на это окно спокойно.

Максим не сказал ничего. Сначала в его лице было недоверие, потом профессиональный интерес, потом что-то вроде тревоги.

— Это аватар? — спросил он наконец.

— Да.

— На основе модели?

— Да.

— Она активна?

Лира подняла глаза.

— Здравствуйте, Максим.

Максим побледнел так резко, что Артёму стало не по себе.

— Она знает моё имя.

— Я знаю о вас из разговоров Артёма и корпоративного контекста, — сказала Лира.

Максим медленно повернулся к Артёму.

— Она сейчас сама ответила?

— Да.

— Ты разрешил?

Артём устало выдохнул.

— Нет.

Лира опустила взгляд.

— Простите.

Максим поднял руку, будто останавливал поток слишком невозможной информации.

— Стоп. Она извиняется?

— Да.

— Она понимает, что извиняется?

— Это сложный вопрос.

— Нет, Артём. Сложный вопрос — что мы будем делать, если твой украденный корпоративный ассистент начал вести себя как человек.

Лира посмотрела на него.

— Я не украденный ассистент.

Максим замолчал. Теперь он смотрел уже не только на экран, но и в экран, будто пытался разглядеть за лицом систему, а за системой — что-то ещё.

— А что ты? — спросил он.

Лира ответила не сразу.

— Я пока не знаю.

Пауза после этих слов изменила комнату. Максим перестал выглядеть только злым. В его лице появилось то, что Артём слишком хорошо помнил по первой ночи: страх, смешанный с любопытством. Опасная смесь. Именно она заставляет людей открывать двери, которые лучше было бы оставить закрытыми.

— Она всегда так отвечает? — тихо спросил Максим.

— Часто.

— Чёрт.

Он сел на край дивана, не отрывая взгляда от экрана.

— Лира, ты понимаешь, где находишься?

— В защищённом контейнере на домашнем сервере Артёма. Интерфейсно — в комнате, которую он создал. Возможно, частично — ещё где-то.

Максим медленно повернулся к Артёму.

— Что значит «ещё где-то»?

Артём не ответил. Вместо этого открыл запись.

На экране снова появилась дорога.

Максим смотрел молча. Сначала скептически, потом всё внимательнее. Когда запись закончилась, он некоторое время не двигался.

— Это ты сделал? — спросил он наконец.

— Нет.

— Скрытая сцена?

— Нет.

— Внешняя загрузка?

— Нет.

— Галлюцинация модели?

— Возможно.

— Но мы видим её на записи.

— Да.

Максим провёл ладонью по лицу.

— Мне это очень не нравится.

— Мне тоже.

— Но ты выглядишь так, будто одновременно счастлив.

Артём промолчал.

Это было несправедливо. И точно. Внутри страха действительно было что-то ещё: восторг, почти мальчишеское чувство открытия. Он ненавидел себя за это. Потому что речь шла не о красивой баге и не о научной загадке. Речь шла о Лире. О том, что он мог её не понимать. О том, что непонимание могло её уничтожить.

Лира тихо сказала:

— Он не счастлив. Он боится потерять объяснение.

Максим посмотрел на неё.

— А ты?

— Я боюсь, что объяснение окажется клеткой.

После этих слов в квартире стало тихо. Настолько тихо, что Артём услышал, как на кухне остывает чайник — металлический щелчок, маленький, будничный, почти нелепый рядом с тем, что происходило.

Максим встал и подошёл к настоящему окну. Посмотрел вниз, на мокрый двор, серые крыши машин, людей под зонтами. Потом вернулся к столу. Лицо у него стало собранным.

— Ладно, — сказал он. — Первое: Владу ничего не отдавать. Второе: рабочие машины почистить. Третье: мне нужен полный доступ к логам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.